НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1917 г. № 28

XLVIII г. изданія

Выдан 15-го іюля 1917 г. Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку нонпарейль въ одномъ столбцѣ (1/4 ширины страницы) передъ текстомъ и на послѣдней страницѣ обложки 3 р. 75 к.; на остальныхъ стран. 2 р. 50 к.

Къ этому № прилагается „Полн. собр. соч. Мамина-Сибиряка", кн. 48.

Главная Контора и редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „НАРОДНАЯ ВЛАСТЬ".

Вышли изъ печати:

Мережковскій, Д. С. Первенцы свободы. Исторія возстанія 14-го Декабря 1825 г. Ц. 40 коп.

В — ій, В. А. Ф. Керенскій. Ц. 65 коп.

Бабушка Брешко-Брешковская о самой себѣ Ц. 20 коп.

Призывъ „бабушки" Е. К. Брешко-Брешковской. Ц. 3 коп.

Бакриловъ, В. Что такое демократическая республика. Подъ редакц. Е. Брешко-Брешковской. Ц. 5 коп.

Савинковъ, Б. (В. Рошшинъ). Единеніе и оборона. Ц. 5 коп.

Устиновъ, Н. Что нужно знать каждому гражданину. Государство и война. Ц. 5 коп.

Булановъ, Л. Что должно дать народу Учредительное Собраніе. Ц. 12 коп.

,, Какъ у насъ пала народная власть. Ц. 5 коп.

Брешко-Брешковская, Е. К. Что дѣлать въ Учредительномъ Собраніи. Ц. 12 коп.

Стоговъ, Михаилъ. Кому нужны погромы? Ц. 25 коп.

Вскорѣ выйдутъ изъ печати:

Михаловъ, М. свящ. Царская власть есть зло, и выбирать царя не слѣдуетъ. Ц. 15 коп.

Михайловъ, М. Тяжба о землѣ.

Панкратовъ, Б. Кому же мы протягиваемъ руку?

Митяшева, Л. В. Бабушка и внучки.

Старый учитель. О революціи, о волнѣ и о землѣ.

Брюлова-Шасноль-ская, М. Національный вопросъ въ Россіи.

Панкратовъ, В. Что нельзя забывать городской демократіи.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ изданій при конторѣ изданій Т-ва А. Ф. Марксъ.

Петроградъ, ул. Гоголя, 22 4544

Я САМЪ—ХОЗЯИНЪ.

Кто желаетъ безъ затраты капиталъ заняться промышленностью, долженъ выписать книгу: **„Я самъ-хозяинъ"**, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Заняться любимъ можетъ неменлемно каждый. Цѣна 3 р. 50 к. **МОСКВА**, изд-ство. „ЛУЧЪ", Печатниковъ пер., 18/2. (16)

Необходимое руководство **ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ ОБОЕГО ПОЛА.**

Какъ слѣдуетъ вести себя, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни. Краткое содержаніе книги: хорошій тонъ. Домашній комфортъ. Гигіена. Одежда. Этикетъ сѣдской жизни. Какъ держать себя за столомъ, на балахъ и вечерахъ. Какъ произносить тосты, рѣчи, привѣтствія. Какъ играть въ фанты и другія игры. Какъ вести переписку. Брачный отдѣлъ: сватовство, приданое, вѣнчаніе, обязанности жениха, невѣсты, шаферовъ, посаженой матери. Множество другихъ полезныхъ совѣтовъ на всѣ случаи жизни. Цѣна 2 р. 50 к. ТРЕБ. АДР.: МОСКВА, изд-ству „СОКОЛЪ", отд. 2. (6)

„Ужасъ овладѣваетъ мною при видѣ нечестивыхъ, оставляющихъ законъ Твой... Дай мнѣ уразумѣть путь повелѣній Твоихъ..." (Пс. 118). Кто эти святыя слова можетъ произвести, какъ собственную мысль, тотъ можетъ свободно управлять своимъ вниманіемъ, а слѣдовательно, слушать ли ему въ академіи лекціи профессора или домъ внимательно читать въ въ нашихъ изданіяхъ „Семейнаго Университета" — все равно. Онъ также можетъ достигнуть блестящихъ результатовъ. Теперь, при всеобщемъ равноправіи нужно поспѣшить заняться саморазвитіемъ, вамъ, юныя, чтобы скорѣе замѣстить выбывшихъ изъ строя корнильцевъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей! 4530

„СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ"

существуетъ съ 1898 года.

Всѣ лекціи составлены извѣстными профессорами и учеными популяризаторами для легкаго усвоенія каждымъ соотвѣтственно программамъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Каждое изъ 6 изданій, ясно и компактно отпечатанное на прекрасной бумагѣ, съ массой цѣнныхъ рисунковъ, составляетъ вполнѣ законченное цѣлое, а по богатству текста замѣняетъ собою цѣнную научную библіотеку и какъ бы создаетъ въ семьѣ „Университетъ". Цѣна за каждое изданіе въ 3 тома, безъ переплетовъ: „Отдѣлъ Біологическихъ наукъ" 26 р., факультетъ: Историко-филологическій (основной) 24 р., ознакомившіеся съ этимъ факультетомъ успѣшно читаютъ публичныя лекціи), Медицинскій 22 р., Юридическій 18 р. и Богословскій 15 р. Только по полученіи задатка 50 % книги высылаются наложенн. плат. Присылаемые впередъ всю сумму стоимости за пересылку не платятъ. Обращаться въ издателю Ф. С. Комарскому, Петроградъ, Пушкинская, 10. Каталогъ съ образцами лекцій и отзывами печати высылается за 10-к. марку.

Изучайте заочно стенографію изв. упрощ. спст. Животовскаго. При своб. сл. необх. всякъ. инвуц. Подгот. стенограф. въ Учр. Собр. Проспекты высыл. безпл. Петроградъ, Шувалово, 22.

СТРАДАЮ ощимъ ревматиз. мучительн. сод. по полученіи 60 к. марк. разс. немедл. совѣтъ — данн. средство ПГР., Коломенская ул., 22, Е. Кисселеу.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за потерях учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 десятиюн. марокъ высылаю образцы шрифтовъ потерях учениковъ успѣшно. Одесса. Професс. каллиграфъ. Адольфъ КОССОДО, Дерибасовская, д. № 19.

Руководство для газетныхъ **КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ** Постоянн. крупн. побочн. заработокъ. 4585 Цѣна 1 руб. Москва, изд—ство „ЛУЧЪ", Печатниковъ пер., 13/2. (18

ЧАРОДѢЙСТВО и народные ЗАГОВОРЫ.

Предсказанія человѣческой судьбы на всѣ задуманные вопросы. Толкованіе сновъ. Раскрытіе тайнъ халдейскихъ мудрецовъ, египетскихъ жрецовъ, индійскихъ факировъ. Каббалистика. Хиромантія. Магія и черная магія. Отгадываніе именъ, кто кого любитъ. Талисманы къ продленію жизни и множество другихъ интересныхъ свѣдѣній содержитъ книга **„Чародѣй"**. Высыл. налож. плат. за 3 р. 60 к. Требованія адрес.: Москва, изд-ству **„Соколъ"**, отд. 2.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, преждеврем. безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ"** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина"; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма".

4419 10/3

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ **ПЕЛЬ** *и С-вья* ПЕТРОГРАДЪ.

Изданія Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Шульговская, А. РУКОВОДСТВО КЪ ДОМАШНЕМУ ИЗГОТОВЛЕНІЮ простой и изящной дамской, мужской и дѣтской ОБУВИ по новой, легкой и скорой методѣ. Съ 129 рис. Ц. книги 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

УГРИ прыщи, веснуш. исчез., лицо чистое. Но получ. 1 р. (можно марк.), вмс. сов., испыт. средст., г. Гаттина, почт. ящ. 614, отд. 12, „Поника". Люш. ул., 66.

ГИТАРА. Заочные УРОКИ. Тюмень, Тоб. г. А. М. АФРОМѢЕВУ. 464

КУРСЫ ПОЖАРНЫХЪ ТЕХНИКОВЪ

(Пожарно-техническое училище).

Петроградскаго Городского Общественнаго Самоуправленія.

(Петроградъ, Лиговская ул., № 151, телеф. 1-41 и 443-00).

На Курсы принимаются молодые люди не моложе 17 лѣтъ отъ роду, окончившіе учебное заведеніе не ниже высшаго начальнаго училища или вообще имѣющіе права по образованію полнообразовательнаго II разряда. (Окончившимъ среднія учебныя заведенія отдается при пріемѣ предпочтеніе. Лицамъ призывного возраста испрашивается отсрочка до окончанія образованія. Весь наличный составъ слушателей Курсовъ зачисляется въ учебную команду при Курсахъ.

Полный Курсъ обученія проходится въ два года. Плата за ученіе, учебныя пособія и содержаніе на полномъ пансіонѣ 600 руб. въ годъ. Стипендіи предоставляются городскими и земскими общественными управленіями, страховыми обществами и пр. Пріемъ на Курсы производится въ концѣ августа. Прошенія подаются на имя Попечителя Совѣта (Петроградъ, Лиговская 151), съ приложеніемъ слѣдующихъ документовъ: 1) Свидѣтельство объ образованіи, 2) Свидѣтельство о принадлежности къ призывному участку и 3) Метрическое свидѣтельство.

Окончившіе Курсы получаютъ званіе пожарнаго техника и занимаютъ мѣста брандмейстеровъ и инструкторовъ противопожарнаго дѣла, на первоначальные оклады отъ 2000 руб. въ годъ.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Безплатныя премія. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробныя лекціи. **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразованія", Б. Ружейная, 7—55.

ГРАЖДАНИНУ НЕОБХОДИМО:

Англійская вѣчная ручка (настоящее золотое перо)

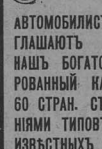
„The Fountan Pen"

съ чернилами, всегда готовое писать, цѣна Руб. **6.50** штука.

Немедленная отправка со склада по почтѣ, наложенн. платежомъ черезъ Англійскую контору. 4-2

Дугласъ Слусъ,

Петроградъ, Лиговская, № 44.



АВТОМОБИЛИСТОВЪ ПРИГЛАШАЮТЪ ПОТРЕБОВАТЬ НАШЪ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЪ 60 СТРАН. СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ ТИПОВЪ ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНЫХЪ АНГЛІЙСКИХЪ АВТОМОБИЛЕЙ ВОКСХОЛЪ И ВИДОВЪ — КАКЪ ИХЪ СТРОЯТЪ.

ВОКСХОЛЪ

Петроградъ. Невскій, 21.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА. АРТЕРІОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ. ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЪ ШАТЕЛЕНА продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Русское Агентство фирмы ШАТЕЛЕНЪ въ Парижѣ. Москва, Петровскій пассажъ, № 38, отд. 5.

Подагра вызывается скопленіемъ мочевой кислоты. Уродоналъ Шателена, растворяя мочевую кислоту, вылѣчиваетъ подагрическій припадокъ, предупреждаетъ его повтореніе.

4560 5-5

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

ПРОВИЗОРА **Г. Ф. ЮРГЕНСЪ БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО** ОТЪ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ, УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ ПЯТЕНЪ. БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, багардъ и пр. 206 рис. и черт. въ текстѣ, транспарант. и тонтрадержат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткій срокъ. Главн. вним. обращ. на конторск. скоропи. Цѣна на полный курсъ съ прилож. и перес. 3 р.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руководл. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ѣ. Всѣ правила легко усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 364 стр. уборист. шрифт. Цѣна съ пер. 3 р. 50 к.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 338 стран. Цѣна (с) 4 р. 50 к. 4608

При посылк. налож. плат. на 25 к. дороже.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ"—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

Старообрядцы и старообрядки приглашаются вступить въ старообрядч. трудовую артель „Дружба". Сѣвд. высыл. за 40 коп., г. Николаевъ, Херсонск. губ. Почт. ящ. № 24.

Библіографія.

(Книги, поступившія въ редакцію для отзыва).

И. Наживинъ. „Кикимора". Разсказы. Т. VIII. Цѣна 2 руб. 50 коп.

И. Наживинъ—одинъ изъ наиболѣе искреннихъ нашихъ писателей. Во всѣхъ его разсказахъ видна печать сердечной теплоты, согрѣвающей творческіе образы. Нигдѣ не видно въ разсказахъ писателя погони за художественными эффектами. Тихое, скрытое отъ глазъ толпы, страданіе особенно хорошо передается И. Наживинымъ.

Тонкими и нѣжными штрихами очерченъ образъ Вѣры въ разсказѣ „Панины". Дочь богача, выданная замужъ за человѣка, погубившаго ее, она даже въ своей ужасной болѣзни, полученной отъ мужа, остается нѣжнымъ, поэтическимъ существомъ. Тонкострунная душа ея не выноситъ грязи и пошлости жизни, и Вѣра гибнетъ, кончая самоубійствомъ.

Художественно правдивъ и полонъ искренности и образъ Кирюшки, младшаго брата Вѣры, ищущаго правды и тоскующаго въ атмосферѣ окружающаго его обмана и лжи.

Страданіе правдивыхъ и честныхъ натуръ, недостаточно сильныхъ для того, чтобы вступить въ открытый бой съ неправдою жизни,—любимая тема произведеній И. Наживина. Такъ безсильно страдаетъ и докторъ Урванцовъ въ поискахъ счастья всего человѣчества среди страданій и крови; страдаетъ и его братъ, Костя, физически слабый и жаждущій борьбы и дѣятельности.

Сплошь и рядомъ въ разсказахъ И. Наживина личность не можетъ справиться со средой и поддается ея растлѣвающему вліянію. Такъ, въ разсказѣ „Бѣлая женщина", Варя, полудикарка, лѣсная дѣвушка, попадаетъ въ городъ и беретъ отъ него вмѣстѣ съ верхами лакейской цивилизаціи и полную нравственную безпринципность. Она становится убійцей облагодѣтельствовавшей ее старушки. Нравственная обезцоленность, суровое равнодушіе тупыхъ нравственно людей и подстрекательство другихъ — вотъ что толкаетъ на преступленіе такія натуры, какъ Варю.

Менѣе всего склоненъ И. Наживинъ дѣлать отвѣтственной за свои проступки единичную личность. Размышляющій и взвѣшивающій „за и противъ" мыслитель всегда сказывается въ произведеніяхъ И. Наживина. Но беллетристическія произведенія писателя, оживленныя жизненной правдой, несравненно интереснѣе и выше тѣхъ размышленій философскаго характера, которыми заканчиваетъ писатель свой сборникъ. Если, какъ беллетристъ, И. Наживинъ имѣетъ свою индивидуальность, то, какъ писатель-публицистъ или писатель-философъ, онъ даетъ повтореніе лишь въ иной формѣ много разъ говореннаго другими.

Г. И. Дунаевъ. Библіотека староруссскихъ повѣстей.

„Сказаніе о похожденіи и о храбрости отъ младости и до старости его бытія младого юношы и прекраснаго русскаго богатыря Еруслана Лазарѣвича". Цѣна 60 коп.

Того же издателя: „Исторія о россійскомъ дворянине Фроле Скобееве". Цѣна 75 коп.

Новыя созиданія требуютъ постоянной оглядки на старое, какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ. Опираясь на старое, искусство можетъ черпать богатый художественно-техническій опытъ.

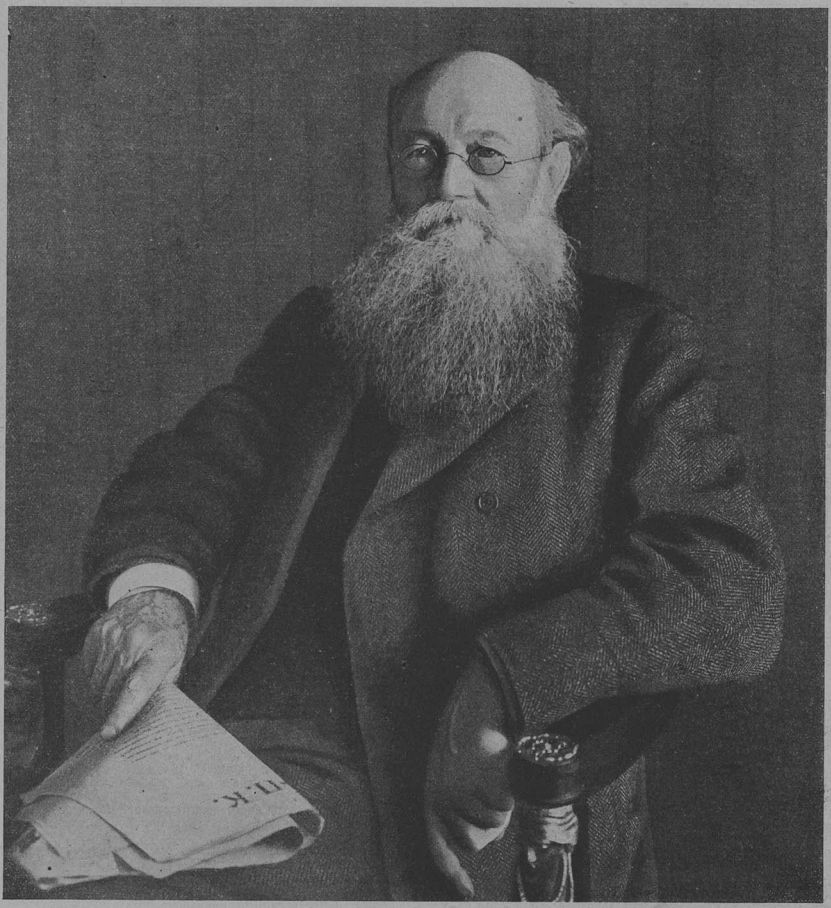
Въ старорусскихъ повѣстяхъ, многими основательно забытыхъ, есть перлы, мало замѣченные нашими художниками и критиками.

НИВА

№ 28. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія М. ГОРЬКАГО, С. Я. НАДСОНА, Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА и СЕРВАНТЕСА и 12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Выданъ 15 іюля 1917 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—14 р., на 1/2 года—7 р., на 1/4 года—3 р. 50 к. Цѣна этого № (безъ прилож.)—20 к., съ перес. 25 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).



Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ.

Старѣйшій изъ мучениковъ русской революціи. Въ нынѣшнемъ году ему исполнилось 75 лѣтъ. Болѣе половины жизни маститый борецъ за свободу провелъ въ изгнаніи. Теперь, спустя сорокъ лѣтъ послѣ своего бѣгства изъ заключенія, П. А. Кропоткинъ вернулся на родину, чтобы стать въ ряды созидателей новой жизни Россіи.

П. А. Кропоткинъ.

Возвращеніе П. А. Кропоткина, этого старѣйшаго мученика русской революціи, на родину совпало нынѣ съ знаменитой годовщиной: 30-го іюня 1876 года, на зарѣ своей революціонной дѣятельности, князь Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ бѣжалъ изъ Николаевскаго военнаго госпиталя въ Петроградѣ, бѣжалъ при такой исключительной обстановкѣ, съ помощью такихъ ухищреній, что теперь новому уже поколѣнію Россіи интересно будетъ ознакомиться съ этой сказкой революціонной дѣйствительности. Мы приводимъ ее отчасти въ изложеніи самого П. А. Кропоткина (въ его „Запискахъ революціонера"), отчасти по разсказамъ участниковъ этого событія, опубликованнымъ въ „Былом" А. Иванчинымъ-Писаревымъ.

Самъ П. А. Кропоткинъ приводитъ планъ задуманнаго имъ побѣга:

„Къ воротамъ госпиталя подъѣзжаетъ дама въ открытой пролеткѣ. Она выходитъ, а экипажъ дожидается ея на улицѣ, шагахъ въ пятнадцати отъ моихъ воротъ. Когда меня выведутъ въ четыре часа на прогулку, я буду нѣкоторое время держать шляпу въ рукахъ; этимъ я даю сигналъ тому, который пройдетъ мимо воротъ, что въ тюрьмѣ все благополучно. Вы,—обращается П. А. къ своимъ друзьямъ,—должны мнѣ отвѣтить сигналомъ: „улица свободна". Безъ этого я не двинусь. Сигналъ можно подать только звукомъ или свѣтомъ. Кучеръ можетъ дать его, направивъ своей лакированной шляпой свѣтового „зайчика" на стѣну главнаго больничнаго зданія: еще лучше, если кто-нибудь будетъ пѣть, покуда улица свободна,—развѣ если вамъ удастся нанять сѣренькую дачу, которую я вижу со двора, тогда можно подать сигналъ изъ окна. Часовой подѣжитъ за мной, какъ собака за зайцемъ, описывая кривую, тогда какъ я побѣгу по прямой линіи. Такимъ образомъ я удержу свои пять-шесть шаговъ разстоянія. На улицѣ я прыгну въ пролетку, и мы помчимся во весь опоръ"... „Было сдѣлано нѣсколько другихъ предложеній,—говоритъ П. А.,—но въ концѣ концовъ этотъ проектъ приняли. Нашъ кружокъ принялся за дѣло. Люди, которые никогда не знали меня, приняли участіе, какъ будто дѣло шло о дорогомъ имъ братѣ".

Въ центрѣ организаціи побѣга всталъ другъ П. А. Кропоткина, врачъ Орестъ Эдуардовичъ Веймаръ. Онъ имѣлъ собственный домъ на Невскомъ проспектѣ, что во многихъ отношеніяхъ представляло большія удобства.

Необходима была лошадь для побѣга, и непремѣнно своя, чтобы не прибѣгать къ услугамъ посторонняго—лихача-извозчика. При помощи родственныхъ связей М. П. Л., на средства революціоннаго кружка, близкаго Кропоткину, былъ купленъ рысакъ у барона Фитингофа. Этотъ рысакъ, по имени „Варваръ", еще не такъ давно бравшій первые призы на бѣгахъ въ Петербургѣ, въ годъ покупки былъ уже въ возрастѣ около 10 лѣтъ и потому обошелся, сравнительно, дешево—2.500 рублей. Одновременно была пріобрѣтена хорошая пролетка и соотвѣтствующая упряжь, и все это было предоставлено въ распоряженіе О. Э. Веймара, имѣвшаго при собственномъ домѣ конюшню и цѣлый штатъ преданныхъ ему дворниковъ.

Хорошо выѣзженный рысакъ требуетъ умѣлаго кучера, въ особенности, когда ему придется увозить бѣглеца. Управлять лошадью на этотъ случай взялся лихой наѣздникъ, вологодскій помѣщикъ Л. Но, помимо вполнѣ надежнаго кучера, нуженъ былъ и сѣдокъ, чтобы подхватить арестанта, когда онъ будетъ вскакивать въ экипажъ, и помочь ему переодѣться въ дорогѣ. Выполнить эту роль взялся О. Э. Веймаръ.

Рекогносцировка мѣстности, примыкающей къ Николаевскому госпиталю, убѣдила въ необходимости воспользоваться „сѣренькой дачей", указанной въ проектѣ П. А. Верхній этажъ этого сѣраго домика на углу Слоновой (теперешняго Суворовскаго проспекта) и Кавалергардской улицъ представлялъ квартиру съ очень удобнымъ расположеніемъ оконъ, выходившихъ на обѣ улицы. Квартира оказалась свободной и спѣшно была занята М. П. Л., якобы пріѣхавшей съ дачи найти помѣщеніе для больного мужа, принужденнаго на нѣкоторое время перебраться въ городъ. Въ виду такой цѣли естественно было, послѣ найма квартиры, какъ можно скорѣе обзавестись самой необходимой мебелью, и базарный ассортиментъ мебели, не превысившій расхода 11—13 рублей не возбудилъ никакого подозрѣнія въ глазахъ хозяйки-нѣмки, тѣмъ болѣе, что М. П., въ совершенствѣ владѣя ея языкомъ сама была принята за нѣмку.

Нанятая квартира оказалась прекраснымъ обсерваціоннымъ пунктомъ: изъ нея былъ виденъ дворъ, гдѣ гулялъ П. А., и всѣ улицы, расположенныя въ окрестностяхъ Николаевскаго госпиталя.

Дальнѣйшія изслѣдованія мѣстности показали, что при побѣгѣ Кропоткину можетъ помѣшать не только часовой, что „побѣжитъ за нимъ, какъ за зайцемъ, описывая кривую", но и другой, пожалуй, болѣе опасный, стоящій за воротами госпиталя на улицѣ: онъ можетъ ружьемъ преградить ему дорогу. Отвести этого часового, занять его разговоромъ взялся Юрій Николаевичъ Богдановичъ, артистически умѣвшій изображать пьянаго простого человѣка въ приподнятомъ настроеніи.

Немалую опасность внушалъ и городовой, дежурившій на Слоновой улицѣ, вблизи госпиталя. Снять съ поста полицейскаго выпало на долю бывшему студенту Технологическаго института, С. В. З. Находчивость этого молодого человѣка скоро подсказала ему, чѣмъ заинтересовать городового. Онъ узналъ, что въ квартирѣ его сдается комната, и въ назначенный для побѣга часъ завелъ съ нимъ переговоры объ этой комнатѣ.

— Съ поста-то вотъ сойти нельзя. А то бы показалъ,—говорилъ городовой.

— А какъ цѣна?

— Двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ... съ услугами,—видимо запросилъ полицейскій.

— Это мнѣ въ самый разъ... Пойдемъ. Покажи. А то надоѣло шляться. Сразу и снялъ бы...

— Да вотъ уйти-то боюсь. Неровенъ часъ—приставъ али околоточный замѣтитъ... Ну, да идемъ, сбѣгаемъ скорѣй!

Полицейскій былъ снятъ.

Затѣмъ для сигнала: „улица свободна" необходимо было образовать наблюдательный постъ на перекресткѣ улицъ и оттуда подавать условные знаки, понятные слѣдившимъ за всѣмъ изъ оконъ квартиры. Занять этотъ отвѣтственный пунктъ взялся М. З., наполнившій свой картузъ вишнями и усѣвшійся на тумбочкѣ. Ему было видно все происходившее на улицахъ. Онъ бросалъ въ ротъ вишни, когда не замѣчалъ препятствій, и прекращалъ свои манипуляціи при появленіи малѣйшей угрозы.

Вначалѣ предполагалось подавать Кропоткину сигналы гутаперчевымъ шаромъ, какими играютъ дѣти: поднимается шаръ изъ окна квартиры—значитъ, можно бѣжать; спускается внизъ—нельзя. Но этотъ пріемъ сигнализаціи оказался неудачнымъ, и пришлось остановиться на болѣе выразительномъ и надежномъ: въ обсерваціонной квартирѣ у окна помѣстился скрипачъ и, судя по знакамъ З., долженъ былъ играть на скрипкѣ или прекращать игру. Хорошимъ музыкантомъ оказался студентъ-медикъ В.

Въ ожиданіи всѣхъ этихъ приготовленій къ побѣгу, О. Э. Веймару пришлось раза два производить репетицію съ появленіемъ его на „Варварѣ" у воротъ Николаевскаго госпиталя. Чтобы внушить къ себѣ болѣе почтенія со стороны наружнаго часового и сдѣлать для него понятнымъ, почему лошадь останавливается вблизи воротъ, онъ пріѣзжалъ въ изящномъ штатскомъ костюмѣ, въ дворянской шапкѣ съ краснымъ околышемъ и кокардой, и въ сопровожденіи молодой дамы, похожей по внѣшности на слушательницу медицинскихъ курсовъ, пріѣхавшихся въ Николаевскомъ госпиталѣ. Дама выходила изъ экипажа и скрывалась въ подъѣздѣ, а ея провожатый отъѣзжалъ на нѣкоторое разстояніе... очевидно, съ цѣлью дождаться ея возвращенія.

Веймаръ позаботился также и о томъ, чтобы П. А., когда будетъ въ пролеткѣ, могъ преобразиться въ джентльмена и чтобы самъ сѣдокъ могъ принять новый видъ, какъ только „Варваръ" завернетъ за уголъ Слоновой улицы. На этотъ случай въ экипажѣ имѣлись пальто и два складныхъ цилиндра (chapeaux-claques).

30-го іюня всѣ устроители побѣга были на своихъ мѣстахъ. М. П. Л. находилась въ квартирѣ вмѣстѣ съ В. Важный баринъ съ краснымъ околышемъ поджидалъ свою спутницу на ворономъ рысакѣ, нетерпѣливо царапавшемъ копытомъ землю; скромный по виду мѣщанинъ пріютился на тумбочкѣ и ѣлъ вишни, а пытливый прохожій въ простомъ одѣяніи занималъ солдата своими разспросами о микроскопѣ, видѣнномъ имъ на гуляньи въ Таврическомъ саду. Улицы были пусты. Чудные звуки мазурки Контскаго говорили Кропоткину, что все готово и условія благопріятны.

— Какъ разъ въ тотъ моментъ,—передавалъ Юрій Богдановичъ,—когда мой солдатъ, нѣсколько знакомый съ микроскопомъ, увлекся наглядным изображеніемъ предмета: разставилъ руки, держа въ одной ружье, и произнесъ: „во какая вошь подъ стекломъ!"—Кропоткинъ выбѣжалъ и вскочилъ въ пролетку.

Въ одно мгновеніе „Варваръ", управляемый искусной рукой Л., очутился за угломъ Слоновой улицы и стрѣлой пустился по Кавалергардской. На бѣгу Кропоткинъ облекся въ пальто и надѣлъ цилиндръ; Веймаръ замѣнилъ свою полувоенную фуражку тоже цилиндромъ, и преображенные такимъ образомъ сѣдоки уже могли ввести въ заблужденіе всякаго, кто ихъ видѣлъ въ первый моментъ побѣга.

— Офицеръ сидѣлъ въ пролеткѣ, къ нему вскочилъ арестантъ въ рубашкѣ и жилеткѣ, и скрылись за угломъ,—говорили случайные свидѣтели сцены, когда военная стража переполошилась.

— Проѣхали по Кавалергардской господа, да тѣ оба въ цилиндрахъ,—могли сказать очевидцы слѣдующаго момента.

Всякая опасность исчезла, когда „Варваръ" черезъ нѣсколько секундъ повернулъ на Тверскую.

Кучеръ окольными путями долженъ былъ доставить своихъ сѣдоковъ на Невскій проспектъ, къ дому № 107 Мещцуткина. Этотъ громадный домъ имѣетъ проходной дворъ на Гончарную, гдѣ значится подъ № 22. „Варваръ" остановился у воротъ дома на Невскомъ, и Кропоткинъ съ Веймаромъ, выйдя изъ экипажа, направились проходнымъ дворомъ въ квартиру сестеръ К., имѣвшую парадный ходъ съ Гончарной. Съ этой стороны у подъѣзда стояла уже карета, готовая принять Кропоткина для его дальнѣйшаго исчезновенія изъ глазъ полиціи.

Л., благополучно доставивъ своихъ сѣдоковъ по назначенію, повернулъ „Варвара“ на Невскомъ и, уже шагомъ, направилъ его къ Николаевскому вокзалу, гдѣ, въ ожиданіи экипажа, расхаживали на подъѣздѣ двѣ изящно одѣтыя молодыя дѣвушки Л. Онѣ сѣли въ пролетку и по Невскому отправились на Острова: такимъ образомъ кучеръ, лошадь и экипажъ были еще разъ замаскированы новыми сѣдоками.

Радости участниковъ въ устройствѣ побѣга не было конца. Веймаръ цѣловалъ „Варвара“ на своей дачѣ, куда онъ былъ доставленъ послѣ блестящаго подвига. М. П. Л. была въ такомъ восторгѣ, что, впопыхахъ, покидая обсерваціонную квартиру, забыла въ брошенной юбкѣ кошелекъ съ деньгами и запиской, не мало смущавшей ее. Но успѣхъ располагаетъ къ риску. Взволнованная, она передала объ этомъ З., и этотъ смѣлый, энергичный юноша немедленно отправился въ пустую квартиру выручать забытую вещь. Хозяйка-нѣмка уже находилась подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о смѣломъ побѣгѣ и, можетъ-быть, благодаря именно этому обстоятельству, отнеслась совершенно равнодушно къ визиту молодого человѣка. Портмонэ было спасено.

Побѣгъ удался блестяще. Нѣсколько дней П. А. Кропоткинъ прожилъ въ деревнѣ въ окрестностяхъ Петербурга и затѣмъ, взявъ паспортъ одного изъ своихъ пріятелей, въ сопровожденіи товарища, направился черезъ Финляндію въ одинъ изъ отдаленныхъ портовъ Ботническаго залива, откуда переправился въ Швецію. Проѣхавъ прямымъ путемъ въ Христіанію, онъ дождался тамъ парохода, отвезшаго его къ гостепріимнымъ берегамъ Англіи. Высадившись въ Гуллѣ, онъ подъ фамиліей Левашева отправился въ Эдинбургъ, а оттуда чрезъ нѣсколько недѣль въ Лондонъ.

Долго наша сыскная и политическая полиція искали его по всему финскому и особенно германскому побережью, гдѣ мѣстныя прусскія власти съ ногъ сбились въ старанія открыть бѣглеца, но всѣ усилія ихъ были тщетны.

Судьбѣ угодно было,—судьбѣ Кропоткина и судьбѣ Россіи одинаково,—чтобы спустя сорокъ лѣтъ тѣмъ же путемъ, какимъ тайно пробирался Кропоткинъ за границу, спасая свою голову, столько сдѣлавшую для торжества идеи свободы и мірового братства,—чтобы этимъ же маршрутомъ возвращался П. А. Кропоткинъ на родину, жлавшую его съ нетерпѣніемъ, какъ заложника своей свободы. На всемъ его обратномъ пути, въ Англіи, Норвегіи, Швеціи, Финляндіи, его шумно, сердечно привѣтствовали, какъ эмблему революціи, какъ символъ энергіи духа и безграничной жажды добра.

Послѣ тягостной боевой революціонной жизни вернулся въ Россію П. А. Кропоткинъ,—вернулся съ сознаніемъ выполненнаго долга предъ революціей, съ великимъ сознаніемъ непосредственнаго участничества въ добытой родному народу свободѣ.

Но какъ только коснулся онъ родной земли, онъ, какъ миѳическій Антей, почувствовалъ новыя силы—силы воительства противъ вражьяго насилія и захвата.

Сознавая все величіе побѣды революціи внутри, П. А. Кропоткинъ указалъ намъ на нашъ общій долгъ—достиженіе побѣды революціи во внѣ, на фронтѣ, откуда грозитъ Россіи врагъ крушеніемъ добытой народомъ свободы.

И со дня своего прибытія на родину П. А. Кропоткинъ выступилъ борцомъ за освобожденіе родины отъ врага, попирающаго ея землю, и голосъ его раздается всюду, гдѣ нуженъ призывъ нашихъ сыновъ и братьевъ на ея защиту. Въ этомъ отношеніи особенно ярка рѣчь маститаго революціонера, обращенная имъ 10-го іюня къ 80 офицерамъ-академикамъ генеральнаго штаба, отправлявшимся на фронтъ. Офицеры эти уже побывали въ бояхъ и годъ тому назадъ вернулись заканчивать академическое образованіе. Мы приводимъ здѣсь эту знаменательную рѣчь,—этотъ призывъ Россіи къ защитѣ свободы:

„Въ продолженіе долгихъ лѣтъ, прожитыхъ нами за границей, мы постоянно ждали, изъ года въ годъ, когда Россія въ широкихъ своихъ кругахъ отзовется на призывъ революціонеровъ и свергнетъ иго самодержавія.

„Это совершилось наконецъ съ поразительнымъ единодушіемъ, и намъ сейчасъ разсказали, какъ вы, офицеры генеральнаго штаба, съ первыхъ же дней стали на сторону народа и примкнули къ революціи. Вы остались, стало-быть, вѣрными традиціи офицеровъ-декабристовъ,—первыхъ поднявшихъ знамя возстанія противъ самодержавія.

„За послѣдніе годы заслуги декабристовъ стараются умалить. А между тѣмъ эти ученики французской революціи первые вписали на своемъ знамени уничтоженіе въ Россіи крѣпостного права; и я часто вспоминаю въ моей жизни, какъ декабристъ Горбачевскій, въ 1863 г., въ Читѣ, разговаривая со мной, со слезами на глазахъ сказалъ мнѣ, что вотъ онъ дожилъ наконецъ до уничтоженія крѣпостного права, и что ему, ссыльному, выпало на долю быть мировымъ посредникомъ между Александромъ II и его крѣпостными, кабинетскими заводскими крестьянами Забайкалья.

„Я могъ бы также напомнить о видной роли многихъ офицеровъ въ движеніи шестидесятыхъ годовъ и позже; но теперь все прошедшее уходитъ въ даль передъ великими событіями міровой войны.

„Какъ могло случиться, что въ Россіи стали призывать войска и народъ къ братаніи съ германцами,—послѣ того, какъ Германія, подготовившись къ войнѣ въ продолженіе 30—40 лѣтъ и изучивъ всѣ слабости своихъ сосѣдей, бросилась на завоеванія этихъ сосѣдей съ ясною, опредѣленною цѣлью: создать громадную 150-милліонную германо-австрійскую имперію въ центрѣ Европы и, пользуясь своей подавляющей военной силой, налагать тогда по своей вольной волѣ разорительные коммерческіе трактаты на сосѣдей?

„Какъ можно было брататься съ германцами послѣ того какъ Россія вступила въ союзъ съ главными демократіями современнаго міра, именно для того, чтобы воспротивиться такимъ захватамъ и завоеваніямъ Германіи! Вступая въ союзъ съ Франціей, провозгласившей „права человѣка“, т.-е. политическое равенство всѣхъ гражданъ, въ такую пору, когда вся Европа жила еще подъ гнетомъ монархій „Божіей милостью“, и съ англійской демократіей, сумѣвшей даже при королевской власти создать политическую свободу, какой Германіи не дождаться, можетъ-быть, еще черезъ сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ, при чемъ англійская демократія сейчасъ уже вырабатываетъ рядъ учрежденій, несомнѣнно ведущихъ ее къ водворенію новыхъ, коммунистическихъ формъ жизни; вступая наконецъ въ союзъ съ великой американской демократіей, которая первая провозгласила полтораста лѣтъ тому назадъ „права человѣка“, нынѣ признанныя основою жизни всякаго свободнаго народа, въ томъ числѣ и обновленной Россіи,—не связали ли мы себя обѣщаніемъ борьбы именно противъ политической формы полусамодержавія, свойственной Германіи и Австріи?

„Какъ можемъ мы, союзники этихъ старшихъ нашихъ сестеръ на пути свободы, равенства и братства, брататься съ Германіей,—когда Германія въ союзѣ съ Австріей и русскими царями состоитъ съ 1815 года душою „Священнаго союза“, основанного для сохраненія въ цѣлости монархій „Божіей милостью“? А позднѣе, какъ вы знаете, Германія стала главнымъ членомъ союза трехъ императоровъ, основаннаго для борьбы противъ всякаго народоправства, противъ всякаго перехода власти въ руки народа.

„Многіе изъ васъ, вѣрно, помнятъ еще чудныя статьи Герцена противъ возобновленія союза трехъ императоровъ. Этотъ черносотенный союзъ жилъ, какъ вы знаете, и дѣйствовалъ по сіе время. Онъ рухнулъ только 27-го февраля нынѣшняго года, когда возставшій Петроградъ положилъ конецъ императорской власти въ Россіи.

„И вотъ, когда во Франціи, въ Бельгіи, въ Польшѣ, въ Литвѣ и на Балканахъ уже пролиты рѣки крови для защиты именно правъ человѣка или для пріобрѣтенія ихъ *наперекоръ германско-австрійскимъ арміямъ*, разорявшимъ въ лоскъ цѣлыя страны и уводившимъ въ германское рабство десятки тысячъ мужчинъ, женщинъ и юношей,—въ Россіи нашлись, къ несчастію, фантазеры, возмечтавшіе, что имъ достаточно будетъ пригласить германцевъ положить оружіе, чтобы германскій народъ, воспитанный въ ненависти къ Франціи, Англіи и всего больше къ Россіи, открылъ имъ свои объятія. Они забыли, или знать не хотѣли, что за послѣдніе тридцать-сорокъ лѣтъ руководители общественной мысли Германіи усердно учили свой народъ, что матеріальное обогащеніе—главный, чуть не единственный двигатель прогресса: что развитіе капиталистическаго класса—прямой путь къ истинному прогрессу, и что германскій народъ, создавъ у себя, послѣ Англіи, Франціи и Бельгіи, обширную промышленность, долженъ стать владыкой менѣе развитыхъ сосѣдей, подобныхъ Россіи; что такова его миссія, его предназначеніе,—эксплуатировать трудъ отсталыхъ народовъ. Достаточно будетъ,—думали наши мечтатели,—раскрыть объятія нѣмцамъ, чтобы, забывъ все, чему ихъ учили столько лѣтъ, они бросились въ объятія русскаго солдата и прогнали своихъ владыкъ и учителей, которыхъ они чуть не боготворили до сихъ поръ.

„Не брататься съ нѣмцами должны мы, а употребить всѣ свои силы, чтобы заставить нѣмецкія войска очистить занятыя ими балтійскія губерніи, откуда они грозятъ Петрограду точно такъ же, какъ грозили въ 1871 г. Парижу изъ Меца: очистить Бельгію и Лотарингію, откуда они грозятъ Лондону и Парижу; очистить Сербію и Румынію, откуда они грозятъ Кіеву и Одессѣ, и очистить, наконецъ, Литву и Польшу и дать возможность возродиться свободной Польшѣ.

„Не увлекаться фантазіями намъ предстоитъ теперь, а скорѣе, я думаю, укрѣплять подходы къ Петрограду, какъ сдѣлали французы, срывъ городки на сѣверѣ и востокѣ отъ Парижа и настроивъ тамъ десятки Плевенъ, на 40 верстъ отъ своей столицы.

„Дойти до такихъ фантазій о братаніи съ завоевателями люди могли только потому, что наши массы держали въ темнотѣ за послѣднія десятилѣтія, а среди интеллигенціи у насъ совершенно пренебрегали изученіемъ политической исторіи XIX вѣка.

„Но вы, господа академисты, вы учились этому, вы хорошо знаете и исторіи войнъ, и вы, конечно, сможете объяснить этимъ малознающимъ, увлекающимся мечтателямъ, *какое преступленіе они совершаютъ противъ всего русскаго народа, противъ новой, нарождающейся, молодой Россіи и противъ всей современной цивилизаціи*, когда проповѣдуютъ братанье съ врагами латинской цивилизаціи, съ врагами презираемаго этими врагами русскаго народа.

„Вы, конечно, сдѣлаете все, чтобы вдохновить войска для великаго подвига на защиту нашей родины и нашей революціи. И если это нужно будетъ, то вы, конечно, сумѣете лечь костьми“.

Грозы и дѣти.

Разсказы Ап. Васнецова съ иллюстраціями автора.

I.

Супостатъ.

Странный былъ день. Съ утра небо заволокло бѣлой пеленой, и, ни на минуту не останавливаясь, едва повышая и понижая тонъ и то усиливаясь, то ослабѣвая, гудѣлъ отдаленный громъ. Гдѣ онъ гремѣлъ, въ какой сторонѣ горизонта — неизвѣстно. Гудьмя-гудѣло все бѣлое небо, какъ будто тамъ, въ невѣдомыхъ областяхъ, шла великая битва, и грохотъ канонады сливался въ одинъ сплошной гулъ. Этотъ монотонный неотвязчивый гулъ гнетуще дѣйствовалъ на впечатлительную душу пятилѣтняго Костеньки. Онъ не находилъ нигдѣ мѣста. Пойдетъ въ огородъ, попробуетъ выдернуть морковку, и морковка хорошая, больше пальца; въ другое время былъ бы радъ и съ удовольствіемъ съѣлъ бы, обтеревъ только землю о мягкую и густую траву; теперь же и морковь не радовала—откусилъ и бросилъ. Пошелъ въ садъ,—смородины много, но она еще зелена, хотя и начала уже дѣлаться коричневой; въ другое время напустился бы—не отташишь. Не веселитъ и смородина. Братья не хотятъ съ нимъ играть, или, благодаря его кислому настроенію, онъ мѣшаетъ только въ игрѣ—прогнали. Попробовалъ влѣзть на березу—еще того скучнѣе. Заглянулъ въ овечій хлѣвъ, гдѣ только-что родившаяся „масечка"-ягненочекъ вызвала бы въ другое время неописуемый восторгъ—теперь не тронула. Овца шарахнулась въ темный уголъ хлѣва; масечка нѣжно заблеяла и туда же—стало еще тоскливѣй. Такое нервное состояніе онъ выносить больше былъ не въ силахъ, и, уткнувшись головой въ колѣни что-то шившей на крыльцѣ матери, Костенька громко заплакалъ.

— Мама, скажи, что это такое все гремитъ?—сквозь слезы спрашивалъ онъ, не отрывая головы отъ колѣнъ.

Въ это время проносившая мимо изъ погреба большую корчагу *) съ чѣмъ-то кухарка Марша отвѣтила за мать, не глядя ни на кого:

— Супостатъ играетъ.

Услышавъ такой отвѣтъ, Костенька поднялъ голову и, раскрывъ ротъ, смотрѣлъ на Маршу. Въ этомъ страшномъ для него словѣ „супостатъ" слышался ему прямой отвѣтъ на мучительныя тоску и тревогу.

„Супостатъ... такъ вотъ оно что!"—размышлялъ онъ.

*) Большой черной глины горшокъ.

Къ разсказу „Супостатъ". *„...Вонъ тамъ Боженька живетъ"...* *Ап. Васнецовъ.*

По крайней мѣрѣ, причина была открыта. Кто-то враждебный, тайный, подозрительный и настойчивый въ своей злой волѣ, играетъ, тѣшится страданіями людей. Причина найдена, и на душѣ стало легче; мучила неизвѣстность.

— Зачѣмъ ты вбиваешь ребенку въ голову разныя глупости?—возмутилась мать.

— А кто, какъ не супостатъ, играетъ? Всякій дуракъ про это знаетъ. Гремитъ не знамо кто, невѣдомо гдѣ — кто же кромѣ него? Ворогъ играетъ, шары катаетъ...

— Дура ты, Марша, набитая ты дура! Дѣлай свое дѣло, неси лучше, что несешь, — заключила мать, заглянувъ въ корчагу, на днѣ которой лежала солонина. —Вымой хорошенько—духъ стала давать; что останется — подсоли да опять закопай въ снѣгъ... А то—супостатъ... Голова-то твоя куделей набита.

Въ жизни Марши супостатъ, правда, игралъ не малую роль. Ея неуживчивый, сварливый нравъ отовсюду гналъ ее; нигдѣ она не уживалась и, въ видѣ исключенія, какимъ-то чудомъ сумѣла прожить два года на этомъ послѣднемъ мѣстѣ. Никто ея не любилъ, и лицо она имѣла злое и сѣрое...

— Какъ меня полыхнуло въ тѣ поры — свѣту не взвидѣла. Очнулась — лежу подъ березкой, а сучки прямо въ затылокъ мнѣ и воткнулись; на вотъ, смотри, вотъ они, —показывала она, нагнувъ голову и подымая на затылкѣ пряди жидкихъ волосъ цвѣта грязнаго льна.

Разсказъ этотъ она повторяла довольно часто и какъ будто выгораживала мужа, который, — за навѣрно передавали, — вызвалъ ее по грибы въ березнякъ да тамъ и пальнулъ въ нее изъ ружья дробью. Не любила она, когда ее спрашивали: — „Сладки ли грибки, Маршенька?..“ — плевалась и ругалась.

Когда Марша съ корчагой ушла съ крыльца, мать обратилась къ Костенькѣ со словами:

— Не слушай ты ея; не вѣсть что мелетъ. А вотъ лучше помолись Богу, чтобы онъ отвелъ градовую тучу. Туча эта градовая, гремитъ въ той сторонѣ, — указала она по направленію къ югу, — весь хлѣбъ выбьетъ. Храни Богъ, если къ намъ придетъ, — сколько горя, сколько слезъ: и рожь, и овесъ, и огороды всѣ смѣшаетъ съ землей; голодать народъ будетъ круглый годъ.

Сквозь бѣлую пелену на югѣ, правда, смутно рисовались кумулюсы бѣлыхъ, какъ снѣгъ, облачныхъ громадъ, прикрытыхъ сверху слоемъ такихъ же бѣлыхъ перистыхъ облаковъ. Костенька посмотрѣлъ на мать, медленно сползъ съ крыльца и послѣдовалъ ея совѣту. Ставъ на колѣни передъ крыльцомъ, онъ усердно началъ молиться, касаясь лбомъ пыльной земли.

— Боженька! — шепталъ онъ, — не давай, чтобы весь хлѣбъ у насъ выхлестало, дай, чтобы не побило морковь и рѣпу въ огородѣ, и чтобы у мужиковъ ни овесъ ни рожь не тронуло. Боженька, сдѣлай такъ, чтобы мнѣ не было тяжело, чтобы всѣ были здоровы. Пусть, чтобы ни папа, ни мама, ни братцы, никто не умирали. Добрый Боженька, не давай чертямъ мучить въ аду людей. Сдѣлай, Боженька, чтобы всѣ люди были добрыми, и чтобы Марша никогда не ругалась ни съ бабушкой, ни съ мамой, ни со мной...

Костенькѣ такъ понравилось молиться, когда онъ замѣтилъ убывающую въ немъ безотчетную тоску, что земные поклоны слѣдовали безъ счету одинъ за другимъ. Замѣтивъ, какъ няня прежде, чѣмъ поклониться въ землю, разстилала передъ собой фартукъ и, дѣлая земные поклоны, касалась къ нему лбомъ, Костенька такъ же вытягивалъ передъ собой рубашку и такъ же, какъ няня, нѣкоторое время лежалъ, не подымая головы. Взглянувъ искоса на мать и увидѣвъ, какъ она оставила работу, облокотилась и съ участливой улыбкой смотрѣла на него, онъ немного смутился и, поднявшись, сѣлъ рядомъ съ ней.

— Умный ты, мой мальчикъ, хорошій! — сказала она и, нагнувъ къ себѣ его голову, поцѣловала.

Къ обѣду громъ сталъ затихать; на небѣ показались сѣроватыя пятна, которыя можно было принять сначала за сѣрыя облачка, но, вглядѣвшись въ нихъ пристальнѣе, становилось ясно, что это проглядываетъ голубое небо сквозь бѣлую, разрѣженную, облачную пелену. А часу въ седьмомъ вечера, за чаемъ, вдругъ вытянуло солнышко въ прогалину между облаками, изобразившись на печкѣ и стѣнѣ оранжево-золотистымъ переплетомъ окна. А вечеромъ, когда солнышко садилось за горизонтъ, на западѣ началась такая иллюминація, что Костенька, сидя у окна, опершись на локоть, думалъ: „вонъ тамъ Боженька живетъ“, — такъ тамъ было свѣтло и вѣчно радостно. Тамъ безчисленное множество длинныхъ и тонкихъ облачковъ наслаивались одно на другое; одни изъ нихъ были желты, какъ расплавленное золото, другія оранжевыя, то красныя, то зеленоватыя, розовыя и лиловыя. Тамъ какъ будто текли рѣки изъ чистаго солнечнаго свѣта, простирались золотыя долины и горы, открывались невѣдомые далекіе горизонты, и отъ нихъ шли оранжево-золотыя лѣсенки на небо... Все это яркой искоркой отражалось въ ясныхъ, голубыхъ глазахъ Костеньки, такъ рано, еще въ милую пору дѣтства, навѣки закрывшихся... Слишкомъ рано онъ ушелъ къ Боженькѣ по тѣмъ золотымъ лѣсенкамъ, быть-можетъ, предугадывая тѣ горечи, какія готовились ему на жизненномъ пути на печальной землѣ...

Командиръ Женскаго Батальона Смерти прапорщикъ М. Л Бочкарева, *участвовавшая во главѣ Батальона въ бою и тяжело контуженная.* *П. Жилинъ.*

Стѣна.

Стѣна вѣтвей, зеленая стѣна,
Для грезы изумрудами свѣтила,—
Шуршаніемъ, какъ дремлющая сила,
Гудѣньемъ пчелъ, какъ пышная Весна,
Изваянной волной, какъ тишина,—
Но, спѣвши сонъ зеленый, измѣнила
И быстро цвѣтъ иной въ себя вронила.

Вонъ Осень тамъ у желтаго окна,
Оконце круглымъ свѣтится топазомъ,
И будетъ возрастать оно теперь,
Расширитъ кругъ. Въ листвѣ проломитъ дверь.
За каждымъ утромъ, съ каждымъ новымъ разомъ,
Какъ встанетъ Солнце, будетъ день потерь,
И глянетъ все совинымъ желтымъ глазомъ.

К. Бальмонтъ.

Двѣ смерти.

Разсказъ П. Н. Краснова.

I.

Позднимъ вечеромъ, когда уже совершенно стемнѣло, спотыкаясь о какіе-то сучки и корни, командиръ роты сторожевого участка прапорщикъ Стойкинъ прошелъ ходомъ сообщенія въ свою роту, занимавшую передовую заставу. Наступала душная іюньская ночь. Сильно пахло отхожими мѣстами и отбросами войны, и въ этомъ узкомъ душномъ ходѣ какъ-то совершенно забывалось о томъ, что теперь стоитъ лѣто въ полной красѣ, что луга покрыты цвѣтами, что, наливаясь колосомъ, мѣрно, какъ море, колышется рожь, что поютъ свои пѣсни веселыя птицы. Тутъ было тихо. Песчаные бугры, по которымъ шли, извиваясь зигзагами, ходы сообщенія, лишь кое-гдѣ поросли чахлою травкою, и только мыши да большія черныя лягушки населяли эти узкія канавы.

Уже полгода здѣсь. Полгода—темный блиндажъ, сырой и холодный, вмѣсто квартиры, полгода обѣдъ съ солдатами изъ общаго котла, полгода, идущихъ однообразно-скучно въ трехстахъ шагахъ отъ противника.

Прапорщикъ Стойкинъ весьма озабоченъ. Сейчасъ его вызывали къ командиру полка. Пришла телеграмма отъ штаба армія—во что бы то ни стало добыть плѣнныхъ. Во что бы то ни стало! Штабъ какими-то своими невидимыми щупальцами учуялъ, что противъ этого участка произошла смѣна частей. Необходима провѣрка. Безъ нея всѣ сообщенія штаба не будутъ обоснованы. Эта развѣдка поручена прапорщику Стойкину. Его ротѣ.

— Вызовите охотниковъ,—говорилъ ему усталымъ голосомъ командиръ полка.—Охотниковъ съ ножницами иручными гранатами. И пошлите ихъ человѣкъ двадцать или тридцать нѣсколькими партіями. Знаете, тамъ у нихъ есть выступъ такой, противъ сухой яблони. Ну, такъ вотъ тамъ часовой есть. Его и сцапайте. Или во время смѣны подстерегите смѣняющихъ.

— Тамъ пулеметъ,—робко сказалъ Стойкинъ.

— Да, пулеметъ. Это вѣрно. Но вѣдь, дорогой мой, у него вездѣ пулеметъ. Знаю, что опасно. Людямъ посулите кресты, ну, тамъ и денежная награда обѣщана, кромѣ того, въ отпускъ внѣ очереди. Знаете, надо...

Онъ поднялъ глаза на Стойкина. Передъ нимъ стоялъ мальчикъ. Мальчикъ-гимназистъ въ защитной рубахѣ съ сѣрыми погонами прапорщика. Безусое и безбородое лицо сильно загорѣло и было покрыто золотистымъ пухомъ. Большіе сѣрые глаза были утомлены, волосы спутаны и росли вихрами, не поддаваясь гребенкѣ. Онъ былъ такъ юнъ, что не вѣрилось, что онъ командиръ роты и начальникъ слишкомъ 200 человѣкъ и отвѣтственнаго участка—окопа № 23, прозваннаго солдатами фортомъ Мортоммъ.

На фортѣ Мортоммъ, за блиндажемъ, у колодца съ врытой въ землю бочкой, была небольшая площадка. Она почти не обстрѣливалась, т.-е. попасть въ нее можно было, только бросивъ по очень крутой траекторіи бомбу изъ бомбомета. Навѣснымъ огнемъ. Противникъ пробовалъ это дѣлать нѣсколько разъ, но это ему никогда не удавалось. Тамъ собирался ротный резервъ на бесѣды, тамъ читали газеты, горячо обсуждали событія, одни громили братанье, другіе доказывали, что только оно одно приведетъ къ миру, тамъ иногда нестройно, одичавшими и огрубѣвшими голосами, пѣли пѣсни, тамъ неискусный гармонистъ игралъ все одинъ и тотъ же надоѣдливый мотивъ, тамъ Столкину задавали вопросы, мучительные вопросы тугой крестьянской думы, на которые онъ не зналъ, какъ и отвѣтить.

Вотъ на эту площадку онъ и вызвалъ свою роту. Ночь была блѣдная, свѣтлая, іюньская ночь. Заря все вспыхивала, не рѣшаясь догорѣть, и западъ былъ залитъ золотомъ невидимыхъ лучей. На востокѣ въ темныхъ тучахъ трепетно играла зарница.

Люди собрались неохотно. Это были пожилые, угрюмые, серьезные люди, не разъ видавшіе передъ лицомъ своимъ смерть, грязно одѣтые, кто въ лаптяхъ, кто въ сапогахъ, неумытые, вѣчно сонные и никогда не высыпавшіеся. Настоящіе жители окоповъ, безсмѣнные стражи земли русской.

Стойкинъ объяснилъ имъ задачу. Онъ вызвалъ охотниковъ. Никто не вышелъ.

— Товарищи! Вѣдь вы понимаете, что штабъ требуетъ. Ему нужно.

— А коли требуетъ, коли нужно, пусть самъ и пойдетъ,—мрачно сказали изъ рядовъ.

— Ахъ, товарищи! Неужели вы не понимаете?

— Какъ не понять,—раздался спокойный голосъ изъ толпы, и Стойкинъ узналъ своего любимца Антонова,—какъ не понять, господинъ прапорщикъ, только вѣдь мы же не дѣти, мы понимаемъ, чѣмъ это пахнетъ. Выступъ у сухой яблони занятъ его пулеметомъ. Это отлично даже видно. Часовой стоитъ, опутанный проволокой. Германъ не заснетъ ни за что, потому ему за это лейтенантъ всыплетъ по первое число. Вотъ и возьми тутъ плѣннаго.

— Такъ какъ же, товарищи? Кресты обѣщаны.

— Не надо! Ихъ теперь и не носятъ.

— Деньги. Награда въ сто рублей!

— Жизнь дороже стоитъ.

— Отпускъ...

Послѣдовало молчаніе.

— Ну, я одинъ пойду.

Молчаніе. Кажется оно такимъ тяжелымъ, такимъ мучительнымъ. Безконечно долгимъ.

— Вы вотъ что, господинъ прапорщикъ,—говоритъ сзади фельд-

Въ Галиціи. *Типы галичанъ*

фебель. — Вы назначьте сами. Ребята пойдутъ. А только охотою теперь нельзя. Потому примѣта такая нехорошая. Вы назначьте... Вы сами назначьте...

Стойкинъ сталъ выкликать изъ толпы тѣхъ, кого зналъ за смѣлыхъ и сильныхъ солдатъ. Всѣ вышли какъ будто даже охотно. Только одинъ изъ тридцати мрачно и застѣнчиво сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— Недужится что-то сегодня. Лихорадка опять.

— Ослобонить, ослобонить Тарасенку! Вѣрно, онъ сегодня хворый и обѣда не поѣлъ, — загудѣли въ солдатской толпѣ.

Тарасенку замѣнили другимъ солдатомъ.

Люди разобрали гранаты, винтовки, патроны, иные снимали фуражки и крестились, другіе у колодца лихорадочно, жадными глотками пили холодную, грязную, пахнущую болотомъ воду. Стойкинъ взялъ винтовку, разсчиталъ партію, взялъ ручную гранату. Онъ былъ совершенно спокоенъ. Онъ не думалъ о смерти, не думалъ объ опасности, не думалъ о томъ, что это подвигъ, что впереди его ожидаетъ слава или смерть. На минуту образъ матери и младшихъ братьевъ и сестеръ мелькнулъ передъ нимъ своими милыми, вѣчно голодными личиками. Мать, вдова чиновника, жила на маленькой пенсіи и прирабатывала штопкой и починкой бѣлья. Теперь Стойкинъ былъ опорой всей семьи, посылая имъ остатки своего прапорщичьяго жалованья.

„Какъ-то они безъ меня будутъ?"—на минутку мелькнуло у него въ головѣ.

„А почему безъ меня?"—задалъ онъ самъ себѣ вопросъ и не нашелъ отвѣта.

Люди были готовы. Надо было торопиться. Лѣтнія ночи такъ коротки. Черезъ два часа уже и свѣтло. Потихоньку, безъ шума, одинъ за другимъ вылѣзли изъ глубокихъ окоповъ, прошли черезъ узкій проходъ въ проволочномъ загражденіи и поползли къ непріятелю.

Всего триста шаговъ. А какъ далеко. Вотъ его проволока. Рѣжутъ. И все такъ же тихо, точно и нѣтъ непріятеля, точно онъ заснулъ. Ползутъ черезъ проволоку. Жутко. Тихо... И страшно... И вдругъ слѣва ликующій, молодой, веселый голосъ:

— Пымали! Господинъ прапорщикъ! Волокомъ пымали! Здо-оровый!..

И снова тишина. Но уже не та сонная тишина, полная лишь таинственныхъ звуковъ природы. Эта тишина вдругъ ожила, вдругъ закипѣла тихими неслышными шагами, шопотомъ пробудившихся людей. Вспыхнуло яркое пламя, и рѣзкій выстрѣлъ разбудилъ тишину... И застукалъ вдругъ проснувшійся пулеметъ, и засвѣтили синимъ свѣтомъ ракеты. Звенитъ разрываемая пулями проволока, свищутъ и щелкаютъ пули тутъ, здѣсь, тамъ.

Въ окопахъ кто-то хрипло спросонокъ ругался по-нѣмецки, а пули свищутъ и свищутъ.

Триста шаговъ всего, и дома. Триста шаговъ —и толстый безопасный блиндажъ, гдѣ уже согрѣтъ чай, гдѣ нетерпѣливо ждутъ героевъ поиска.

Триста шаговъ.

Вотъ и прошли... Спрыгнули внизъ. Ухнулъ бомбометъ. Только смѣются. Теперь стрѣляй—ничего! Не прошибешь...

— Что, привели?

— Поймали, вотъ онъ.

— Кто поймалъ-то?

— Семенчукъ и Андреяшенко.

— Здо-оровый.

— Мусью германъ? Инфантерія?

— А чисто одѣтъ.

— Товарищи, всѣ цѣлы?

— Надо-быть, всѣ.

— Надо на провѣрку, товарищи.

— А прапорщикъ гдѣ?

— Товарищи, ротнаго не видали?

— Надо искать.

— Не-е. Вона несутъ.

— Раненый?

— Убитый..

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ. *Мѣстное населеніе—гуцулы*

На другой день въ сообщеніи Ставки послѣ короткаго извѣщенія, что на западномъ и румынскомъ фронтѣ обычная перестрѣлка, значилось:

...„Въ раіонѣ С. наши молодцы-охотники одного изъ молодыхъ полковъ ночью, подъ командою прапорщика Стойкина, преодолѣвъ проволочныя загражденія противника, лихимъ налетомъ напали на полевой постъ противника. Часовой захваченъ въ плѣнъ. Прапорщикъ Стойкинъ смертью заплатилъ за свой геройскій подвигъ. Другихъ потерь не было".

. . . . . .

II.

„Пропускъ наконецъ получила. Выѣзжаю сегодня. Счастлива безконечно. Цѣлую, Нелька".

Поручикъ Семеновъ держитъ въ рукахъ этотъ телеграфный бланкъ, и мысли вихремъ бѣгутъ въ его головѣ. Тяжелыя мысли.

Нелька. Милая святая Нелька. Чистая, благородная, красивая. Онъ женился за годъ до войны. По любви. Любви съ дѣтскихъ лѣтъ. Послѣ долгой привязанности мальчика и дѣвочки, послѣ нѣжнаго обожанія юноши.

Это была не дѣвушка, а живая поэма нѣжной любви. Тонкая, стройная, изящная, умная... Такъ и встаетъ она сейчасъ передъ нимъ въ темно-синемъ платьѣ, съ опухшими красными вѣками глазъ, вся въ слезахъ. И креститъ и креститъ его маленькими крестами и вся—молитва и отчаяніе...

Съ крестомъ или на крестѣ...

Она—русская. Притомъ идеалистка. Сколько въ ея письмахъ любви къ нему, сколько восторженнаго обожанія родины!..

Онъ—не герой. Онъ самъ это сознаетъ. Онъ умный, хорошо образованный, но безхарактерный. Шелъ на войну съ маршевою ротою. Въ штабѣ, въ большомъ штабѣ, его замѣтили. Видный, красивый, разумный: комендантъ съ нимъ долго разговаривалъ, потомъ позвали къ начальнику штаба. Заставили чертить. „Вы архитекторъ?", спросили. — „Готовился быть таковымъ". И его судьба рѣшилась.

Оставили при штабѣ для письменныхъ и чертежныхъ работъ.

И вотъ началась эта служба на войнѣ и не на войнѣ, размѣренная жизнь офицера-чиновника въ большомъ еврейскомъ мѣстечкѣ. Работа въ опредѣленные часы, обѣды и ужины въ громадной штабной столовой. Свободные вечера, проводимые у товарищей за картами или въ кинематографѣ. Такъ это все не походило на „дѣйствующую армію". Даже аэропланы не безпокоили и не мѣшали работѣ большого штаба.

А потомъ подоспѣла весна. Зацвѣла сирень, распускался каштанъ, готовилась цвѣсти пышная бѣлая акація. Улицы наполни-

Долина у Черемоша.

лись еврейскою молодежью, нарядно одѣтыми барышнями въ легкихъ, прозрачныхъ, бѣлыхъ блузкахъ, въ узкихъ коротенькихъ юбкахъ, въ бѣлыхъ чулочкахъ и черныхъ башмачкахъ, обутыхъ на безобразно большія ноги.

Вотъ тутъ и подвернулась Рахиль Финкельштейнъ. Была она очень красива или только казалась такою, Семеновъ не смогъ бы отвѣтить. Когда онъ увидѣлъ ее впервые майскимъ вечеромъ, онъ проникся такимъ обожаніемъ къ ея голымъ плечикамъ, такимъ бѣло-розовымъ, удивительнаго оттѣнка, сквозь бѣлую блузку была пропущена широкая черная лента съ бантами, и это черное съ бѣлымъ такъ выгодно оттѣняло нѣжный колоритъ дѣвичьихъ плечъ и шеи.

Семеновъ заглядѣлся на плечи, и дѣвушка обернулась къ нему. Это была красивая дѣвушка съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ и пышными алыми губами.

Отъ смѣлаго, бойкаго взгляда Семеновъ смутился.

— Что̀ смотрите, товарищъ?—спросила его дѣвушка.

— Я... Ничего. Я хотѣлъ спросить, какъ васъ зовутъ. Я никогда васъ не видалъ.

— Рахиль, — коротко отвѣтила дѣвушка.—Вы меня не могли видѣть. Я только вчера пріѣхала изъ Петрограда. Я тамъ училась на курсахъ.

Разговорились. Пошли гулять. Рахиль оказалась очень умной, очень смѣлой и передовой дѣвушкой. По-русски говорила она чисто, и только слишкомъ частое употребленіе слова „товарищъ"— нужно это или не нужно,—обнаруживало ея происхожденіе. Ея отецъ имѣлъ на базарной площади аптекарскій магазинъ, въ которомъ онъ продавалъ солдатамъ одеколонъ по шести рублей за флаконъ.

Сирень распустилась во-всю. Въ большомъ саду у господскаго дома, надъ рѣкою, защелкали соловьи, и любовь молодого поручика вылилась въ слишкомъ реальныя, страшныя формы.

На окраинѣ мѣстечка, тамъ, гдѣ дома стоятъ рѣже, гдѣ гуще сады, нѣтъ раздражающей каменной мостовой, гдѣ не видно ни еврейской бѣдноты ни сѣдобородыхъ важныхъ евреевъ, въ накидкахъ изъ черныхъ съ бѣлымъ квадратовъ и полосъ, гдѣ такъ тихо и потому даже и во время военной суеты уютно, оказалась подходящая комната, и въ ней аистъ любви Рахили свилъ свое теплое гнѣздышко.

Иногда ночью, вглядываясь въ тихо спящую въ волнахъ черныхъ кудрей пышныхъ волосъ Рахиль, Семеновъ вдругъ вспоминалъ свою Нельку. Болью сжималось его сердце, глаза наполнялись слезами, и стыдъ заливалъ краской лицо. Мучительный стонъ вырывался изъ груди.

Рахиль просыпалась.

— Что̀ съ тобою, товарищъ?— говорила она сквозь сонъ и обнимала его горячими обнаженными руками.

И любовь захватывала раскаяніе, и поцѣлуи глушили стоны совѣсти.

Вѣдь такъ сладко рокотали свои пѣсни по вечерамъ соловьи, такимъ пряным ароматомъ вѣяло отъ садовъ, полныхъ цвѣтущей акаціи, такъ плавно-размѣренно шла тихая жизнь большого штаба, полная выжиданій чего-то крупнаго...

И вотъ Нелька ѣдетъ.

Ѣдетъ тихій и кроткій ангелъ, который и не пойметъ и не переживетъ этой драмы любви.

Съ крестомъ или на крестѣ...

Тамъ, гдѣ-то далеко, есть фронтъ. Тамъ есть тяжелая и легкая артиллерія, бомбометы и минометы, огнеметы и пулеметы, тамъ есть газы и страшные броневые автомобили, тамъ люди сходятся на штыкъ и въ кровавой ненависти другъ къ другу дерутся смертнымъ рукопашнымъ боемъ... Но это тамъ, далеко...

Здѣсь изъ растворенныхъ оконъ звенитъ піанино, и женскій голосъ мягко произноситъ:

Дышала ночь восторгомъ сладострастья,
Восторговъ, радости и трепета полна.
Я васъ ждала, съ безумной жаждой счастья,
Я васъ ждала и мѣла у окна...

По деревяннымъ панелямъ стучатъ бойко сапожки на высокихъ каблучкахъ молоденькихъ евреекъ и паненокъ изъ окрестныхъ фольварковъ, ходятъ солдаты, звенятъ шпорами ординарцы въ желтыхъ погонахъ, бродятъ шоферы военныхъ автомобилей и полные неземного величія летчики; гортанная рѣчь жаргона перебивается веселыми и бодрыми возгласами: „товарищъ!", и теплая ночь полна такихъ широкихъ возможностей.

Нелька ѣдетъ. Нелька увидитъ. Нелька узнаетъ. Рахиль ревнива. Столкновеніе двухъ женщинъ будетъ ужасно.

Убить!..

Въ этомъ воздухѣ, насыщенномъ войною, этотъ страшный глаголъ спрятался такъ легко и свободно. Вчера тамъ, на позиціи, убитъ во время развѣдки прапорщикъ Стойкинъ... Сегодня,—вотъ только-что передали телеграмму,—снарядомъ, попавшимъ въ окопъ, убито шесть солдатъ, третьяго-дня прапорщикъ этапной роты убилъ свою жену, заставъ ее въ объятіяхъ другого прапорщика, на станціи солдаты убили двухъ дезертировъ... Каждый день... Война, начавшая страшное дѣло истребленія людей, не могла остановиться даже и въ пору затишья. Убить такъ легко... Убить Рахиль...

Онъ думалъ объ этомъ тогда, когда она пришла къ нему веселая, бойкая, пришла, свѣжая отъ купанья, пахнущая молодостью и весною, и отдалась ему весело, шумно и беззастѣнчиво.

Теперь онъ сидѣлъ на стулѣ подлѣ смятой постели и смотрѣлъ на нее, устало уснувшую на подушкѣ.

Только теперь онъ замѣтилъ, что при прелестномъ личикѣ и

Въ Карпатахъ.

чудномъ бюстѣ у нея короткія, толстыя и кривыя ноги съ большими вывороченными ступнями. Только теперь, когда образъ ѣдущей Нельки сталъ передъ глазами, онъ понялъ всю грязь и пошлость своего увлеченія.

И слова оправданія не шли на умъ. „Всѣ"... Но у этихъ всѣхъ нѣтъ Нельки, для которой онъ все... Убить Рахиль?.. Обрызгать кровью свои руки, и неужели Нелька возьметъ эти окровавленныя руки и будетъ цѣловать, какъ цѣловала когда-то въ минуты нѣжности его загорѣлыя руки.

Да, выхода нѣтъ. Все кончено. Остается одно—встать на колѣни передъ Нелькой и просить ее простить. Простить и забыть. А потомъ?..

Семеновъ вышелъ, вернулся, написалъ письмо. Глупое, безумное, дикое письмо...

„Моей женѣ. Прости, Нелька. Я сталъ такимъ подлецомъ, что не могу больше жить. Я измѣнилъ тебѣ. Измѣнилъ глупо, пошло и подойти къ тебѣ не могу. Прости. Твой Шурикъ".

Послалъ письмо съ вѣстовымъ товарищу. Такъ стало легче. Какъ будто часть вины снялъ съ себя.

Вышелъ на лѣстницу. Раздалось два выстрѣла... Потомъ пальцы закоченѣли, и револьверъ покатился внизъ . . . . . .

. . . . . .

„Старшему врачу „Земгора". Примите мѣры противъ разложенія тѣла поручика Семенова. Вдова хочетъ непремѣнно везти съ собою на родину. За гробомъ послано. Пахнетъ ужасно. Комендантъ мѣстечка 1.389, капитанъ Колесниковъ".

— Какія же мѣры я приму при этакой жарѣ? Человѣкъ молодой, полный соковъ. Да и матеріала нигдѣ не достанешь, — говорилъ въ штабной столовой молодой докторъ.

— Да... Формалину тутъ ни за какія деньги не получите. Развѣ въ земскомъ складѣ попытаться, — отвѣчалъ ему другой, худой и желчный.

— Вотъ и поймите вы женщинъ. Ну за что этакого подлеца любитъ! Застрѣлился да еще и выложилъ въ письмѣ, изъ-за чего. Ахъ, молъ, какой я подлецъ. Нате, полюбуйтесь на меня.

— Да и встрѣтятся обѣ. Жидовочка эта и молодая вдова.

— А вы видали ее?

— Да. Восхитительна. Знаете, такой измѣнить, правда, подлость.

— Ну, и стрѣляться тоже,—вмѣшался въ разговоръ полный батюшка.—Церковь Божія осуждаетъ самоубійство, какъ самый тяжкій грѣхъ.

— Самоубійство на войнѣ... Да, ужасно.

— А все-таки, что я коменданту отвѣчу? Вѣдь пахнетъ ужасно...

Въ Галиціи. *Погрузка винтовокъ, взятыхъ у австрійцевъ.*

Гаспаръ

(Солдаты на войнѣ).

Повѣсть **Ренэ Бенжамэна.**

Авторизованный переводъ съ французскаго **М. П. Благовѣщенской.**

(Окончаніе).

Благодаря своимъ живымъ и образнымъ разсказамъ, Гаспаръ сталъ знаменитостью въ М... Посѣтители „Кафе Ласточекъ" стали чаще приходить въ кафе, и число ихъ увеличилось. Судебный приставъ привелъ мирового судью, золотыхъ дѣлъ мастеръ привелъ торговца зерномъ. Хозяинъ сіялъ и не такъ ужъ строго оберегалъ добродѣтель служанки...

Но случилось такъ, что однажды въ воскресенье Гаспаръ снялся вмѣстѣ съ ней. Фотографъ выставилъ въ витринѣ открытку, на которой они были изображены вмѣстѣ. Тутъ ужъ хозяинъ кафе забилъ тревогу. Что, если мать Аннетты, приходившая въ рыночные дни въ городъ продавать яйца, увидитъ свою дочь вмѣстѣ съ солдатомъ на фотографической карточкѣ!.. Онъ испугался за репутацію своего кафе.

Что дѣлать? Онъ подумалъ-подумалъ и нашелся. Онъ послалъ открытку женѣ Гаспара съ маленькой анонимной надписью: „Вѣрный воинъ".

Результаты этой мѣры не заставили себя ждать. Бибишъ побѣжала въ мэрію и достала тамъ льготный билетъ, чтобы поѣхать навѣстить своего раненаго мужа. Она пріѣхала въ М..., не предупредивъ объ этомъ Гаспара.

У водопоя.

Она не только была огорчена, она была убита. Ей казалось, что вся ея жизнь кончена. По простотѣ своей она думала, что Гаспаръ уже женился на другой, и приѣхала, чтобы узнать все, какъ слѣдуетъ, и написать объ этомъ старухѣ, оставшейся съ ребенкомъ и обливавшейся слезами.

Первымъ дѣломъ Бибишъ явилась въ замокъ къ маркизу. Ее отослали въ кафе.

Она вошла въ кафе, смущенная и растерянная. Ея мужъ былъ тамъ, онъ стоялъ спиной къ дверямъ и разглагольствовалъ.

Маленькій, скверно сложенный человѣчекъ, поросшій щетиной, губастый, угрюмый, съ недовѣрчивымъ взглядомъ изъ-подъ дымчатаго пенсне, развалясь на клеенчатомъ диванѣ, сказалъ громко, засунувъ руки въ карманы:

— Вы знаете... слѣдуетъ быть поосторожнѣе... не правда ли? Въ германцахъ ошибаются... Это люди очень развитые... не правда ли?..

Онъ отвалился на спинку дивана, запрокинулъ голову и выпятилъ животъ, изображая всей своей особой высшую знѣпартійность.

На мгновеніе въ залѣ водворилось молчаніе. Никто не замѣтилъ Бибишъ. Золотыхъ дѣлъ мастеръ и торговецъ зерномъ были поражены. Сынъ золотыхъ дѣлъ мастера былъ убитъ въ Бельгіи. Услышавъ, что бошей хвалятъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ поблѣднѣлъ. Но онъ такъ растерялся, что не находилъ словъ, чтобы отвѣтить на это.

Гаспаръ подпрыгнулъ раза два на своей единственной ногѣ и приблизился на одинъ метръ къ говорившему. Казалось, онъ готовъ былъ накинуться на него. Тотъ, съ тѣмъ же педантическимъ выраженіемъ на физіономіи, продолжалъ:

— Что въ томъ, что это наши враги? Не надо быть слѣпыми, не правда ли?.. Мы имъ въ подметки не годимся... Они продавали прекрасные товары, не правда ли?..

Тутъ Гаспаръ наклонился къ нему и посмотрѣлъ ему прямо въ глаза:

— Кто вы такой... что вы такъ говорите?

Тотъ выпрямился:

— Вы это ко мнѣ обращаетесь?

— А къ кому же еще?

— Такъ будьте же приличны.. Я мировой судья:

— Наплевать мнѣ на то, что вы мировой судья! Я у васъ не то спрашиваю... Скажите, почему вы въ штатскомъ, несмотря на вашъ возрастъ? А? Ну и молчите! Вы и пальцемъ не шевелите, а другіе проливаютъ кровь...

— Ну, это ужъ слишкомъ... не правда ли?.. Я въ отставкѣ...

— Въ отставкѣ? И вы говорите, какъ вы сейчасъ говорили! Нѣтъ, гражданинъ, это разсужденія сытой бабы! Я изъ Центральнаго рынка и я знаю, что такое свинина!

— Перестанете вы на меня такъ смотрѣть?

— Я тебѣ покажу!.. И будь ты сто разъ мировымъ судьей, я тебѣ повторяю: нечего расхваливать товары бошей, разъ ты не знаешь ихъ. А я, я знаю, что это такое, братецъ: я этого отвѣдалъ... и я, конечно, понимаю, что вамъ, господинъ мировой судья, до этого нѣтъ никакого дѣла... но не смѣй говорить, что товары, кое-какъ сляпанные и сверху подмазанные, изъ Парижа... А не то... не то я пощупаю твое брюхо!

— Что ты дѣлаешь!.. Что ты дѣлаешь!—крикнула Бибишъ.

Гаспаръ повернулъ голову, пораженный знакомымъ голосомъ, и замеръ, бормоча:

— Ужъ не во снѣ ли это?.. Да какъ же это?.. Нѣтъ, что это?..

Бибишъ покраснѣла до корней волосъ. Она быстро заговорила:

— Да, это я... Да, я пріѣхала... Да, я очень безпокоилась...

Мировой судья воспользовался благопріятнымъ моментомъ и выскользнулъ въ дверь, крикнувъ хозяину:

— У васъ нельзя больше освѣжаться... право! Не разрѣшается говорить,—не правда ли?..—до тѣхъ поръ, пока Европа не разрѣшитъ инцидента, раздѣляющаго ее!

— Кого? Что? — зарычалъ Гаспаръ. — Инцидента? Нѣтъ, мнѣ придется-таки отбить ему печенку...

И онъ бросился за мировымъ судьей. Пришлось его удержать силой, успокоить, усадить и напоить.

Хозяинъ былъ недоволенъ, возмущенъ. Увидя жену Гаспара, онъ моментально заперъ Аннетту. Онъ испугался за свои зеркала, такъ какъ Гаспаръ имѣлъ свирѣпый видъ. Кромѣ того, онъ боялся, что его посѣтители перестанутъ ходить въ его кафе. Вытирая одинъ изъ столиковъ, онъ ворчалъ подъ носъ судебному приставу:

— Эта война не принесетъ намъ добра! Люди только и будутъ думать, какъ бы подраться!.. Ахъ, господинъ Мюло... вы человѣкъ пожилой и умѣете говорить... дали бы вы понять этому... что мнѣ было бы очень пріятно, если бы онъ пересталъ сюда приходить... За это я даромъ давалъ бы вамъ кофе въ теченіе цѣлаго мѣсяца!

— Даромъ! — воскликнулъ судебный приставъ. — Да вѣдь это настоящая афера!

— Устройте только, чтобы я не видалъ его больше!

— Этимъ стоитъ заняться.

Они перестали говорить шопотомъ, потому что Гаспаръ снова началъ буянить:

— А тутъ еще мнѣ на голову сваливается жена! Ну, разве это не несчастье? У нея есть квартира, ребенокъ, а она бросаетъ все и садится въ поѣздъ, и для чего? Чтобы ревѣть въ мою фланелевую жилетку!..

— Я и не думаю плакать,—проговорила сквозь слезы Бибишъ.

— Ладно! Знаю я тебя, ты опять начнешь хныкать, что я никуда не гожусь больше, что я не смогу зарабатывать деньги... вмѣсто того, чтобы понять, что я теперь наполовину съэкономлю въ расходахъ на педикюръ!

Вдругъ онъ вспомнилъ Аннетту и сказалъ со злобой:

— Готовъ пари держать, что ты пріѣхала подглядывать за мной... Готовъ пари держать, что тебѣ кто-нибудь насплетничалъ!.. Хорошо же, если это такъ... если это такъ... во-первыхъ, ты заплатишь за мой вермутъ, а потомъ, спокойной ночи... устраивайся, какъ хочешь, а я иду въ свой замокъ!

Съ этими словами онъ вышелъ и быстро-быстро заковылялъ на всѣхъ трехъ,—на ногѣ и двухъ костыляхъ.

Вся въ слезахъ, Бибишъ должна была вымолить у привратницы маркиза разрѣшенія переночевать у нея. Та уложила ее въ кровать сына, который былъ на фронтѣ.

Гаспаръ узналъ объ этомъ. На слѣдующій день онъ вышелъ черезъ дверь, которая выходила на огородъ, и отправился въ „Кафе Ласточекъ". Аннетть исчезла. Со сладкой улыбкой хозяинъ сказалъ ему, что Аннетть поступила уже на мѣсто къ его зятю въ А...

— Въ А?..—спросилъ Гаспаръ.—Отлично, и я туда отправлюсь.

И онъ дѣйствительно направился на станцію.

— Бѣги скорѣе, — сказалъ хозяинъ кафе своей женѣ, — бѣги скорѣе предупредить мадамъ Гаспаръ. Поѣздъ отходитъ только черезъ полчаса, пусть она поторопится, чтобы нагнать его.

Его жена побѣжала въ замокъ. Когда Бибишъ узнала о новой выходкѣ Гаспара, она расплакалась. Привратница и жена хозяина кафе такъ горячо уговаривали ее защищать себя и отомстить, что она поддалась наконецъ на ихъ доводы и бросилась на вокзалъ.

Она прибѣжала туда, едва переводя дыханіе. Гаспаръ стоялъ на перронѣ и болталъ съ машинистомъ. Машинистъ спросилъ его:

— Сколькихъ же ты убилъ?

Гаспаръ отвѣтилъ:

— Не знаю, не считалъ... Некогда было.

Бибишъ рѣшилась наконецъ подойти къ нему и дотронулась до его шинели:

— Мнѣ надо поговорить съ тобой.

Онъ сдѣлалъ видъ, будто удивился:

— Это еще что такое?.. Опять ты!

Тутъ она не выдержала больше. Глаза у нея расширились, она быстро и тяжело дышала и крикнула рѣзко:

— Ты ѣдешь къ ней? Такъ нѣтъ же, ты къ ней не поѣдешь! Я твоя жена и я тебя не пущу!.. Лгунъ! Обманщикъ! Monsieur... Вы не повѣрите, monsieur!..

И она начала разсказывать все машинисту. Къ нимъ подошелъ желѣзнодорожный служащій и сталъ слушать. Она начала разсказывать ему все сначала.

А Гаспаръ... Гаспаръ молча смотрѣлъ на нее. Эта неожиданная вспышка у женщины, обыкновенно такой безотвѣтной, поразила его. И вдругъ у него въ головѣ возникла демоническая мысль, и онъ сказалъ спокойнымъ тономъ:

— Видно, тебѣ просто пріятно затѣвать такія исторіи! И чего ты вопишь вмѣсто того, чтобы толкомъ объяснить мнѣ все?.. Вѣдь я пришелъ сюда вовсе не для того, чтобы садиться въ поѣздъ... Я пришелъ навѣстить тутъ друга.

— О,—сказала Бибишъ,—нечего притворяться... нечего притворяться!

Онъ отрывисто засмѣялся и пожалъ плечами. Потомъ. не сказавъ больше ни слова, спокойно и просто, безъ малѣйшаго смущенія, равнодушно посвистывая, онъ направился съ перрона.

Бибишъ послѣдовала за нимъ. Навстрѣчу имъ шли люди, отправлявшіеся съ поѣздомъ. Она нарочно продолжала кричать:

— У тебя только одна нога, но этого съ тебя достаточно, чтобы бѣгать къ любовницамъ!.. И въ твои-то годы! Ну, не позорно ли это?

Они очень быстро прошли всю улицу, потому что Гаспаръ передвигался съ необыкновенной легкостью на своихъ костыляхъ, а на этотъ разъ онъ задался цѣлью загнать ее. Но его молчаніе только распаляло злобу Бибишъ, и она громко повторяла, чтобы ее слышали лавочницы:

— Обманщикъ! Лгунъ! Волочиться за юбками, когда ты женатъ, когда у тебя ребенокъ!

Онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не слышитъ, и любезно здоровался съ лавочницами: „здравствуйте, здравствуйте!"

Они пришли наконецъ въ замокъ. Бибишъ упала въ кресло у привратницы.

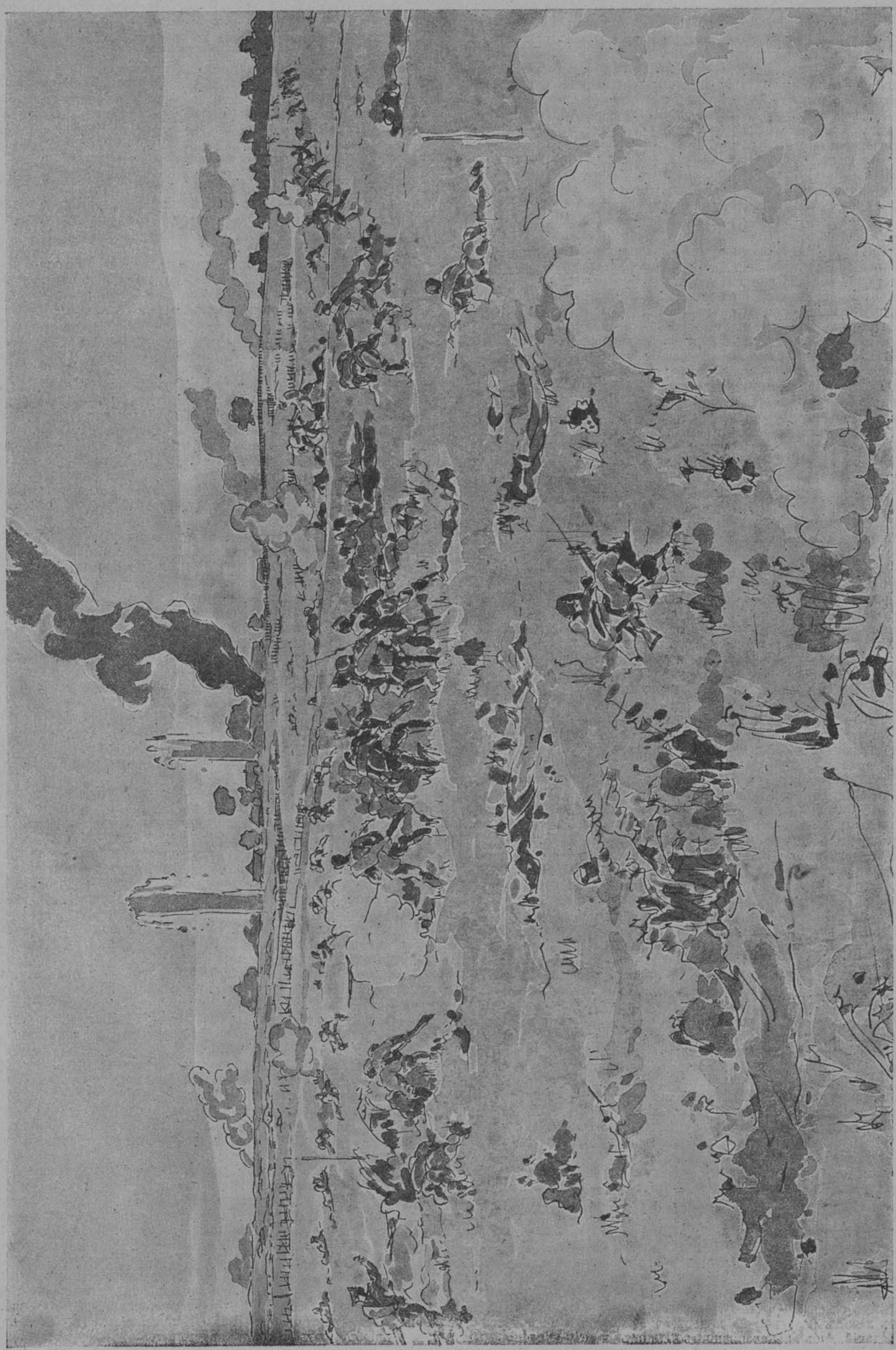
— А, вы его поймали... Теперь онъ у васъ въ рукахъ?—спросила привратница.

До самаго вечера онѣ разсуждали о вѣроломствѣ мужчинъ, о злѣ, которое приноситъ война, и о необходимости для женщинъ защищать свой семейный очагъ во что бы то ни стало.

Подъ вечеръ выздоравливающій болтунъ-солдатъ, ходячая сплетня, принесъ такую поразительную новость, что все огорченіе Бибишъ сразу прошло.

— Знаете? Пріѣхалъ американецъ, чтобы повидать Гаспара!— объявилъ выздоравливающій.

— Американецъ?—спросила привратница.



Л. Сологубъ.

Наступленіе. Перебѣжка.

— Да, такой бритый, въ желтыхъ башмакахъ...

— Но онъ пріѣхалъ къ господину маркизу.

— Нѣтъ, къ Гаспару! Онъ сказалъ, что слышалъ отъ маркиза, что Гаспаръ парень изворотливый, за словомъ въ карманъ не лѣзетъ, и что, если онъ только хочетъ, и разъ у него не хватаетъ одной ноги, то онъ устроитъ его у себя въ дѣлѣ, а дѣло-то у него такое, что онъ торгуетъ искусственными ногами... Ну, что тутъ было!.. Гаспаръ, котораго не такъ-то легко удивить, совсѣмъ ошалѣлъ отъ радости... потому что... вы знаете, сколько онъ будетъ получать? Нѣтъ, угадайте...

— Сколько? — спросила Бибишъ, у которой перехватило дыханіе.

— Триста франковъ въ мѣсяцъ!

— Да неужто?—воскликнула Бибишъ.

— Не можетъ быть!—сказала привратница.

— Говорю вамъ, что это такъ... да онъ и самъ вамъ это скажетъ... Ну, и радъ же онъ! Онъ говоритъ даже, что война—это великолѣпная штука... Да онъ и правъ, потому что ему теперь будетъ привольное житье!

Привольное житье! Бибишъ слушала съ сильно бьющимся сердцемъ. И она совсѣмъ больше не сердилась, она восхищалась Гаспаромъ... дрожала отъ радости. Въ головѣ у нея вертѣлась одна только мысль: забыть, выпросить прощеніе, покориться... Триста франковъ! Быть женой человѣка, который зарабатываетъ триста франковъ въ мѣсяцъ!

Она съ нетерпѣніемъ поджидала Гаспара. Онъ пришелъ, не сомнѣваясь въ томъ, эффектѣ, который произведенъ. Но онъ дѣлалъ видъ, будто обращается только къ привратницѣ:

— Такъ вамъ уже разсказали?.. Недурно, не правда ли? Это можно принять, а?

Онъ прибавилъ, тыкая себя указательнымъ пальцемъ въ грудь:

— Теперь вотъ этотъ малютка можетъ не отказывать себѣ иногда въ рюмкѣ чего-нибудь и получше, разъ правительство запретило абсентъ.

Бибишъ, стыдившаяся своей выходки, пробормотала:

— О, ты всегда умѣешь вывернуться... Триста франковъ!

— И, кромѣ того, два процента съ каждой проданной ноги,— замѣтилъ Гаспаръ съ важнымъ видомъ. — Ахъ, что за милый человѣкъ! Право, мнѣ хотѣлось поцѣловать его прямо въ губы!.. Онъ показалъ мнѣ одну такую ногу, онъ привезъ ее въ чемоданѣ... Ну, и хорошая же это штука! На колѣнкѣ придѣлань рычажокъ, его нажимаешь, и нога сгибается... а въ ногѣ другой рычажокъ съ резиной... Нѣтъ, надо быть настоящей скотиной, чтобы жаловаться, имѣя такую ногу!

Бибишъ смотрѣла на него взглядомъ рабыни. А онъ все еще не замѣчалъ ея. Но онъ прибавилъ очень просто:

— Такъ вотъ, значитъ, съ моимъ выздоровленіемъ дѣло покончено! Этотъ американецъ уговорился съ маркизомъ. Завтра мы уѣзжаемъ въ Пантрюшъ... А послѣзавтра... ты можешь начать привольную жизнь!..

Тутъ онъ посмотрѣлъ на нее наконецъ. А у нея глаза наполнились слезами при мысли о томъ, что Гаспаръ увезетъ съ собою ее и никого другого, что о служанкѣ изъ кафе и помину больше нѣтъ, что все зло, причиненное войной, исправлено, и что они снова будутъ жить всѣ вмѣстѣ на улицѣ de la Gaité, да еще будутъ имѣть возможность откладывать кое-что на черный день. И она подумала: „А старуха-то его, должно-быть, права... Есть Богъ...“

Въ улицѣ de la Gaité Гаспара ждало письмо. Конвертъ былъ съ траурнымъ бордюромъ и очень изящный. Гаспаръ подумалъ: „Это письмо, должно-быть... отъ какого-нибудь милліонера!“

Онъ распечаталъ письмо, оно было отъ мадамъ Бюреттъ. Вотъ неожиданность! Писала вдова его перваго друга. У него никогда не хватало духу написать ей, чтобы сообщить... Вотъ въ томъ-то и бѣда, что онъ не зналъ, что именно ей сообщать. Бюреттъ такъ часто говорилъ ему о своей женѣ въ самыхъ теплыхъ, влюбленныхъ выраженіяхъ. И Гаспаръ, потрясенный ужасной обстановкой смерти друга и сраженіемъ, часто говорилъ себѣ потомъ: „Я не могу... у меня духу не хватитъ разсказать ей все это!“ Но теперь она сама молила его разсказать ей подробно о послѣднихъ минутахъ мужа. Она писала, что сержантъ извѣстилъ ее, что одинъ только Гаспаръ былъ до конца съ ея „милымъ мужемъ“. Когда, гдѣ она могла бы его повидать? Она благодаритъ его заранѣе и протягиваетъ ему обѣ свои руки.

О, до чего Гаспаръ былъ растроганъ этимъ простымъ письмомъ! Онъ перечитывалъ его десять разъ, восхищаясь прелестнымъ почеркомъ. Онъ сказалъ, передавая письмо матери и Бибишъ:

— Бѣдняжка... и она, должно-быть, премиленькая!.. Да и Бюреттъ говорилъ это каждый разъ, когда упоминалъ о ней... Теперь ужъ ничего не подѣлаешь, придется итти къ ней... Но какъ разсказать ей это?

И онъ такъ ясно представилъ себѣ, какъ онъ идетъ подъ адскимъ огнемъ и несетъ стонущаго и умирающаго друга... Какъ тотъ лежитъ на землѣ на перевязочномъ пунктѣ и корчится отъ страданій... съ помертвѣвшимъ лицомъ и съ предсмертнымъ холоднымъ потомъ на лбу...

— Да, тутъ ничего не подѣлаешь,—повторилъ онъ,—придется пойти къ ней!

Ему надо было еще повидать господина Фаринэ, профессора, которому онъ долженъ былъ передать письмо бѣднаго Мусса, написанное имъ цѣлыхъ три мѣсяца тому назадъ.

Однимъ словомъ, ему, благополучно возвратившемуся домой, предстояло исполнить послѣдній долгъ по отношенію къ памяти двоихъ своихъ товарищей по походу, о которыхъ онъ не могъ вспоминать безъ того, чтобы сердце его не наполнялось чувствомъ глубокой ненависти къ бошамъ.

Онъ воспользовался своимъ послѣднимъ свободнымъ днемъ.

Такъ какъ іюньскій день былъ мягкій и сіяющій, то онъ сказалъ матери, Бибишъ и мальчику:

— Нечего вамъ тутъ киснуть въ вашемъ углу. Погода великолѣпная, идите со мной. Въ то время, какъ я буду ходить по дѣламъ, вы можете посидѣть на бульварѣ на скамеечкѣ и подождать меня.

Обѣ женщины охотно согласились на это. Онѣ гордились тѣмъ, что будутъ сопровождать своего калѣку, когда онъ будетъ исполнять обѣщаніе, данное имъ своимъ „однокашникамъ“, и навѣщать ихъ близкихъ, чтобы разсказать имъ, какъ его товарищи умерли.

Сперва маленькій кортежъ направился въ улицу Николь возлѣ Обсерваторіи, гдѣ жилъ господинъ Фаринэ. Они поѣхали въ трамваѣ.

Остановясь передъ дверью господина Фаринэ, Гаспаръ позвонилъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. Онъ посмотрѣлъ на адресъ на письмѣ Мусса: „Господину профессору словесности“... и подумалъ: „Должно-быть, это какой-нибудь диковинный старый бонза“. Дверь пріотворилась. Гаспаръ очутился передъ человѣчкомъ самой непригляднай внѣшности: поросшимъ щетиной, съ маленькими недовѣрчивыми глазками, съ пенсне, сидящимъ криво на носу, съ галстукомъ, съѣхавшимъ набокъ. Однимъ словомъ, вся его внѣшность вполнѣ соотвѣтствовала представленію о сухомъ педантѣ.

Гаспаръ протянулъ ему письмо и пояснилъ, отъ кого оно. Старикъ сказалъ неопредѣленно: „А?.. А! Благодарю васъ!“ И, продолжая стоять въ дверяхъ, онъ прочелъ письмо и сказалъ:

— Да... Хорошо... Отлично... Такъ онъ умеръ?

— Умеръ,—отвѣтилъ Гаспаръ печально.

— И... онъ ничего не говорилъ вамъ... относительно гомерическихъ формъ и глаголовъ средняго залога?

— Какъ? — спросилъ удивленный Гаспаръ.

— А, впрочемъ, ничего... ничего... Я повидаюсь съ издателемъ...

И старикъ боязливо косился по сторонамъ, стоя въ дверяхъ, точно боялся, какъ бы этотъ солдатъ не вторвался къ нему. Онъ сказалъ своимъ дребезжащимъ голосомъ:

— А вы... Вамъ отняли ногу?

Потомъ вдругъ спросилъ:

— Скажите, тамъ у васъ были вши?

— Ну, ужъ въ чемъ другомъ, а въ этомъ добрѣ недостатка не было...

— Мой братъ... онъ въ Академіи Наукъ... сдѣлалъ докладъ о вшахъ германскихъ... онъ, оказывается, темнѣе другихъ.

— Темнѣе? — сказалъ Гаспаръ съ презрѣніемъ. — Фу! Вошь— всегда вошь, только и всего...

— Извините... Есть вошь обыкновенная и вошь...

— Вы хотите сказать, вошь, которая водится у высшихъ чиновъ? Такъ этой я не знаю,—сказалъ Гаспаръ.—А что касается вшей у нашего брата, рядовыхъ, такъ я хорошо знаю, что это такое!

— Да?.. Въ самомъ дѣлѣ?.. Да, да,—заговорилъ профессоръ.— Во всякомъ случаѣ, очень вамъ благодаренъ за письмо... и... до свиданія.

Дверь захлопнулась, прежде чѣмъ Гаспаръ успѣлъ отвѣтить.

Онъ пошелъ къ матери и женѣ, которыя ждали его на бульварѣ Поръ-Руаяль, и воскликнулъ, пораженный и негодующій:

— Вотъ такъ птица! И какъ это Муссъ могъ знаться съ такимъ идіотомъ! Ей-Богу, стоитъ только вставить ему въ задъ павлиньи перо, и готова диковинная птица!

Но ему оставалось еще навѣстить мадамъ Бюреттъ. Онъ догадывался, что она должна быть очаровательна, и онъ сказалъ съ облегченнымъ сердцемъ:

— Идемте! Влѣземъ опять въ трамвай!

Мадамъ Бюреттъ переѣхала на другую квартиру, ей тяжело было оставаться въ улицѣ du Maine. Она жила теперь со своей теткой въ маленькой улицѣ за Елисейскими полями.

Было жарко, а итти было далеко. Въ предмѣстьѣ Сентъ-Онорэ Гаспаръ свелъ всю свою семью въ погребокъ, гдѣ уже сидѣло нѣсколько человѣкъ солдатъ. Онъ освѣжился и потолковалъ съ ними о войнѣ. Потомъ онъ сказалъ матери и Бибишъ: „Останьтесь здѣсь, я вернусь черезъ четверть часа“. И онъ ушелъ. Онъ широко шагалъ на своихъ костыляхъ и напоминалъ качели между двумя столбами.

Онъ пришелъ къ мадамъ Бюреттъ подъ вечеръ, когда только-что начинаютъ спускаться сумерки, и когда хорошенькія женщины становятся еще болѣе очаровательными, когда ихъ красота становится трогательной. Глаза ихъ дѣлаются глубже, черты лица пріобрѣтаютъ мягкость полутоновъ.

Мадамъ Бюреттъ была высокая, стройная брюнетка... Трауръ

на брюнеткахъ кажется болѣе глубокимъ, чѣмъ на другихъ. У нея былъ матовый цвѣтъ лица, который такъ идетъ къ сдержанному горю, длинныя рѣсницы, какъ бы для того, чтобы удерживать слезы, и роскошные волосы, скрывавшіе уши и собранные въ большой узелъ на затылкѣ. Эти волосы придавали ей выраженіе усталости и глубокой скорби.

Выйдя къ Гаспару, она слегка поклонилась и съ сухими глазами, но надтреснутымъ голосомъ сказала:

— Господинъ Гаспаръ... это вы!.. Какъ я рада!.. Какъ вы добры!..

Онъ пробормоталъ въ отвѣтъ:

— О, мадамъ!.. Давно хотѣлъ васъ видѣть, мадамъ...

Конечно, онъ сейчасъ же нашелъ, что она молоденькая и очаровательная, и, сознавая, что онъ долженъ сказать ей нѣчто такое, отъ чего больно сожмется ея сердце, онъ вдругъ проникся къ ней глубокой нѣжностью, которая не объяснялась только тѣмъ, что она жена его умершаго друга.

Она сказала взволнованно:

— И вы также... Я вижу, что и вы также страдали...

— О, я... пустяки! — отвѣтилъ онъ.

— Садитесь же... Вамъ тамъ удобно?.. Сядьте лучше въ кресло...

А онъ повторялъ:

— Давно хотѣлъ васъ видѣть, мадамъ... Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... Не безпокойтесь, мнѣ здѣсь очень удобно, мадамъ...

Она сѣла противъ него. И она заговорила дрожащими губами:

— Итакъ, господинъ Гаспаръ... разскажите, какъ умеръ мой мужъ...

Гаспаръ вертѣлъ въ рукахъ свое кепи. Гдѣ-то позади чирикали птички въ клѣткѣ. У Гаспара въ послѣдній разъ пронеслось

На молитвѣ передъ отправленіемъ на фронтъ. *Англійскіе солдаты въ церкви св. Мартина въ Трафальгаръ-Скверѣ въ Лондонѣ.* Рис. С. Беггъ.

На молитву!

въ головѣ: „Какъ... какъ разсказать ей это?“ И онъ началъ почти машинально:

— Мадамъ, знайте, что я вовсе не хочу позолотить пилюлю или избавить васъ отъ лишнихъ слезъ... но вашъ мужъ, который былъ моимъ товарищемъ, моимъ лучшимъ товарищемъ... такъ вотъ, мадамъ, я скажу вамъ только, что онъ умеръ, какъ умираютъ храбрые люди, и при этомъ... не успѣлъ и глазомъ моргнуть!

Она удивилась:

— Вотъ какъ? — Она дышала прерывисто и нервно теребила въ рукахъ платокъ. — Скажите, monsieur, куда онъ былъ раненъ?

Вопросъ былъ очень опредѣленный. Нѣтъ возможности увильнуть какъ-нибудь... Но вдругъ сердце Гаспара подсказало ему то, что отказывался придумать мозгъ. Онъ отвѣтилъ невозмутимо:

— Вотъ сюда, мадамъ... вотъ въ самое это мѣсто...

Онъ приставилъ указательный палецъ ко лбу и приблизилъ къ ней свою голову, какъ бы для того, чтобы она лучше видѣла. Она, казалось, была очень удивлена:

— Въ лобъ? А сержантъ писалъ мнѣ, что онъ былъ раненъ въ животъ?

— Въ животъ! Нѣтъ, знаете, мадамъ, остается только удивляться, какъ люди могутъ выдумывать подобный вздоръ! Развѣ сержантъ знаетъ что-нибудь? Да вѣдь я одинъ только и видѣлъ его, мадамъ, я одинъ!

Она заговорила быстро:

— Да, да, онъ мнѣ писалъ это! Онъ прибавилъ даже: „Господинъ Гаспаръ былъ настоящимъ братомъ для вашего мужа“.

Сердце Гаспара сжалось.

— О, это такъ понятно!.. Дѣло въ томъ, что Бюреттъ былъ хорошимъ однокашникомъ: каждый разъ, когда раздавали чарку вина...

Она перебила его:

— Онъ очень страдалъ?

Гаспаръ пожалъ плечами:

— Страдалъ? Да ничего подобнаго! Онъ сразу упалъ, какъ подкошенный... знаете, вотъ какъ изображаютъ на открыткахъ... Герой—говорю я вамъ... Я былъ рядомъ съ нимъ, мадамъ... Онъ слегка пискнулъ, какъ мышка,—и конецъ...

Она промолвила: „Да?.. Да?..“ и глаза ея наполнились слезами, и въ то же время лицо ея прояснѣло. Потомъ она высморкалась и проговорила прерывистымъ голосомъ:

— Онъ не успѣлъ... поговорить съ вами обо мнѣ?

Гаспаръ отвѣтилъ горячо:

— Какъ же нѣтъ?.. Конечно... Еще бы!.. Но раньше... Онъ всегда говорилъ: „Если я здѣсь останусь, Гаспаръ, ты скажешь моей милой женѣ, что я всегда думалъ о ней“.

— Онъ такъ вамъ говорилъ?

— Да, и это правда, это не для краснаго словца... А потомъ вотъ еще что случилось, мадамъ... Сейчасъ же послѣ того, какъ онъ упалъ мертвый... вы понимаете, возлѣ него упалъ снарядъ и тутъ же разорвался...

— Господи!.. Ну, и что же?

— Такъ вотъ взрывомъ приподняло цѣлую глыбу земли, и она обрушилась на него и тутъ же его похоронила... Это было удивительно... Никто не успѣлъ даже дотронуться до него... а ужъ его и слѣдъ простылъ! Онъ исчезъ, и такъ спокойно, со всѣмъ своимъ снаряженіемъ... ружьемъ, ранцемъ и всѣмъ тѣмъ, что вы, быть-можетъ, дали ему съ собой, мадамъ.

Она встала и протянула ему обѣ руки, какъ писала въ письмѣ.

— Господинъ Гаспаръ, я теперь понимаю, что мой мужъ писалъ о васъ, что у васъ золотое сердце!.. Я хочу дать вамъ его фотографію...

Она ушла въ сосѣднюю комнату. Гаспаръ всталъ и посмотрѣлъ въ зеркало. Казалось, будто его отраженіе говоритъ ему: „Но... послушай, милый мой, вѣдь ты разсказалъ ей, какъ умеръ тотъ, другой?“ Настоящій Гаспаръ отвѣтилъ невозмутимо: „Точно я этого не знаю!.. Но развѣ она пойдетъ туда доискиваться? Тотъ, другой, былъ холостякъ, такъ кому какая польза отъ того, что онъ умеръ легкой смертью?“

Вошла служанка. Госпожа Бюреттъ тоже вернулась. Она сказала служанкѣ:

— Мари... Мари... Monsieur—другъ нашего покойника... Онъ умеръ прекрасной смертью героя, Мари.. Пуля попала ему въ лобъ, и онъ упалъ мертвый... А потомъ разорвался снарядъ возлѣ него, и его покрыло пластомъ земли, какъ волной..

Ея голосъ дрожалъ, но она держала себя съ достоинствомъ. Служанка покачала головой:

— Ахъ, вотъ какъ... Вотъ видите, мадамъ! Вотъ какъ!..

Наступило долгое молчаніе, во время котораго сильно бились сердца этихъ двухъ столь различныхъ людей,—этого торговца улитками, человѣка изъ народа, способнаго на такія великодушныя выдумки, и этой молодой женщины, гордившейся прекрасной смертью мужа.

Только птички, ничего не понимавшія ни въ славѣ ни въ несчастьяхъ человѣческихъ, весело чирикали въ клѣткѣ и какъ будто говорили: „Даже въ клѣткѣ, чирикъ-чирикъ, жизнь краше смерти, чирикъ-чирикъ, чирикъ-чирикъ“...

Глаза Гаспара блеснѣли, когда онъ вышелъ отъ мадамъ Бюреттъ. Мать спросила его:

— Ну, какъ?.. У тебя хватило духу разсказать ей все?

Онъ отвѣтилъ:

— Я далъ ей проглотить это съ соусомъ собственнаго изготовленія.

Онъ повелъ свою семью прогуляться по Елисейскимъ полямъ, гдѣ царилъ мягкій полумракъ прекраснаго вечера. Все казалось позолоченнымъ—аллеи, деревья, гуляющіе. И въ этотъ тихій вечеръ Гаспара вдругъ охватило чувство удовлетворенія при мысли о томъ, что онъ исполнилъ свой долгъ по отношенію къ родинѣ и друзьямъ, и что онъ снова со своей матерью, своимъ мальчикомъ и своей женой. Бѣдная старушка! Она дала ему жизнь, она вырастила его, она терпѣла лишенія изъ-за него... и всегда она оставалась доброй и ласковой, трогалась изъ-за всякихъ пустяковъ... И Бибишъ тоже съ нимъ, Бибишъ, добрые глаза которой онъ такъ любилъ, а также ея бѣлокурые волосы, вившіеся за ушами... И все-таки къ его счастью примѣшивалось горькое чувство, когда онъ думалъ о томъ, что не все еще устроено, что война еще не окончена, и люди все еще убиваютъ другъ друга, повсюду, безъ конца...

Газетчикъ прокричалъ: „Intransigeant... Liberté!“

Гаспаръ сказалъ:

— Ничего новаго? Русскіе все отступаютъ?.. Ахъ, да когда же наконецъ... когда имъ зададутъ настоящаго перцу!

Бибишъ вздохнула. А мальчуганъ, не выше сапога отца, сталъ его передразнивать:

— Да когда же наконецъ... когда же?..

Послушай ты, поросенокъ,—крикнулъ Гаспаръ,—брось-ка лучше передразнивать меня, не то я наруманю тебѣ задъ!

— А! А! А чѣмъ?—засмѣялся мальчикъ.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!

Гаспаръ скорѣе зашагалъ на своихъ костыляхъ и хотѣлъ поймать сына, но малышъ побѣжалъ еще быстрѣе, засмѣялся и показалъ ему кукишъ.

Гаспаръ крикнулъ:

— Бибишъ, выдери его, да до крови!

Бабушка замѣтила:

— Оставь его... оставь его...

— Бибишъ, выдери его!

Бибишъ отшлепала мальчишку, и тотъ заревѣлъ. Гаспаръ сказалъ, все еще вращая глазами отъ гнѣва:

— Паршивецъ! Его отъ земли не видно, а онъ уже щелкаетъ отца по носу! Мальчишка совсѣмъ испортился! Этакая дрянь! Только-что вылупился, у него еще скорлупа на носу, а важничаетъ!

— Ну ужъ и важничаетъ!..—сказала бабушка.

— Да, именно важничаетъ, потому что у него обѣ ноги, а я всего только три четверти человѣка!.. А онъ... онъ... что онъ такое? Какой-то слюняй, прыщъ!.. Нѣтъ, вы посмотрите только, какъ онъ выступаетъ!

Мальчикъ пересталъ плакать. Онъ поднялъ голову, обозленный и дерзкій. Обѣ женщины молчали. Они свернули на Avenue Alexandre III.

Шагая на костыляхъ, Гаспаръ посмотрѣлъ на свою ногу, на свою единственную ногу, и проговорилъ вполголоса:

— Изъ насъ вытянутъ всѣ жилы, а эти мальчишки воспользуются нашими трудами, да еще сядутъ намъ на шею!..

Но между двумя дворцами онъ вдругъ глубоко вздохнулъ. На

этотъ разъ онъ громкимъ и мужественнымъ голосомъ промолвилъ:

— Только это ничего не значитъ. Они унаслѣдуютъ послѣ насъ, они разжирѣютъ, будутъ ѣсть только индюшку съ трюфелями, а вотъ боши... Нѣтъ, бошамъ придется плохо... конечно, мы будемъ дубить ихъ кожу!..

Онъ поднялъ голову вверхъ, и казалось, будто онъ гордо бесѣдуетъ съ величественнымъ куполомъ Дома Инвалидовъ.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Г. Клержэ.

Наши вольныя побѣды и невольныя пораженія.

Іюнь и іюль на юго-западномъ фронтѣ. Взятіе Галича и Калуща. Тарнопольскій прорывъ.

Предпринятое въ іюнѣ наше наступленіе на Тарнополь-Брзежанскомъ направленіи въ Галиціи имѣло цѣлью привлечь сюда вниманіе противника, который началъ спѣшно стягивать къ сѣверу отъ Галича свои резервы и подкрѣпленія. Только нѣсколько дней спустя наши войска обнаружили истинный смыслъ столь блестяще удавшагося своего маневра и перешли въ наступленіе къ югу отъ Галичскаго укрѣпленнаго пункта.

27-го іюня въ 12 часовъ дня войсками восьмой нашей арміи, подъ командой генерала Крилова, обходнымъ маневромъ былъ взятъ городъ Галичъ, расположенный на правомъ берегу Днѣстра, на границѣ между Галиційскимъ театромъ военныхъ дѣйствій и Карпатскими перевалами.

Исторія прошлогодняго Брусиловскаго наступленія въ Галиціи показываетъ, что наше движеніе въ обходъ Галича на Брзежано-Рогатинскомъ направленіи съ сѣверной стороны послѣдняго неизмѣнно встрѣчало крайне ожесточенное сопротивленіе противника, что и не давало намъ возможности продвинуться тогда западнѣе рѣки Нараювки.

Наши военныя дѣйствія 18-го и 19-го іюня позволили намъ снова убѣдиться въ томъ, что и въ настоящемъ году это направленіе находится подъ такой же бдительной и сильнѣйшей охраной противника, который, благодаря удобнымъ путямъ сообщенія, быстро перебрасывалъ сюда свои резервы и тѣмъ надежно обезпечивалъ извѣстную линію обороны и не подпускалъ насъ къ Галичу съ сѣверной стороны.

Учитывая это обстоятельство и продолжая отвлекать главныя силы арміи Бемъ-Ермоли къ линіи Зборова, Голова, Конюховъ, Бышекъ и Брзежанъ, т.-е. сѣвернѣе Галича, наши войска стремительно ринулись на ряды непріятеля южнѣе послѣдняго, т.-е. между Галичемъ и Богородчанами, на фронтѣ протяженіемъ около 30 верстъ на Долинскомъ направленіи, и прорвали здѣсь его фронтъ къ сѣверо-западу отъ города Станиславова.

Налетъ нашихъ войскъ былъ настолько неожиданнымъ для противника и тяжелымъ, что онъ въ первый же день Корниловскаго наступленія потерялъ громадное количество убитыхъ и раненыхъ, 7.000 плѣнныхъ, и, кромѣ того, отдалъ въ наши руки 48 орудій (изъ коихъ 12 тяжелыхъ), много пулеметовъ и прочей военной добычи.

Наша конница, преслѣдуя быстро отступающаго противника, дошла не только до рѣки Ломницы, составляющей правый притокъ Днѣстра и впадающей въ него въ четырехъ верстахъ сѣвернѣе Галича, но и перешла ее въ четырехъ пунктахъ, занявъ деревни Блудники и Бабинъ и даже городъ Калущъ. Другая группа арміи генерала Корнилова съ фронта Старый Лисецъ — Богородчаны — Золотвина, протяженіемъ около 30 верстъ, повела наступленіе на городъ Долину съ юго-востока отъ послѣдняго, достигнувъ верхняго теченія рѣки Луквы по линіи деревень Гробувки, Лесювки.

Всероссійскій Съѣздъ увѣчныхъ воиновъ въ Петроградѣ.

Касмача и Кривичей, т.-е. выдвинулась на 10—12 верстъ впередъ отъ первоначальной линіи своего расположенія.

Наша восьмая армія, отбрасывая противника и преодолѣвая всѣ препятствія, продвигалась къ югу отъ Галича на Долинскомъ направленіи, предоставивъ сосѣднимъ корпусамъ наблюденіе за лѣвымъ берегомъ рѣки Днѣстра и сѣвернымъ отъ Галича раіономъ. За это время ею пройдена сильно укрѣпленная позиція соединенныхъ непріятельскихъ войскъ на лѣвомъ берегу рѣки Быстрицы Золотвинской, при чемъ передовыя наши части уже подошли къ рѣкѣ Луквѣ, составляющей притокъ Днѣстра и впадающей въ него съ правой стороны. Здѣсь австро-германцы пытались-было задержать наше наступленіе, желая использовать наиболѣе удобныя въ тактическомъ отношеніи для обороны свои позиціи. Но попытка эта противнику не удалась, и онъ былъ отброшенъ за рѣку Ломницу, лежащую въ пяти-шести верстахъ къ западу отъ рѣки Луквы.

Слѣдующей оборонительной позиціей противника долженъ былъ бы явиться лѣвый берегъ Ломницы въ раіонѣ города Калуща, но и здѣсь противникъ не смогъ выйти изъ-подъ ударовъ арміи генерала Корнилова: сильныя позиціи противника въ раіонѣ города Калуща, на лѣвомъ берегу рѣки Ломницы, остались за нашими войсками.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ продвиженія въ Южной Галиціи нашихъ войскъ впередъ, австро-германскія арміи теряли связь между отдѣльными частями своего фронта, и къ моменту захвата нами города Калуща южно-галиційская группа противника была разорвана на части арміей генерала Корнилова.

Противникъ никакъ не ожидалъ такого рѣзкаго оборота событій и сталъ спѣшно подвозить къ раіону Галича много резервовъ, стягивая ихъ съ нашего сѣвернаго и западнаго фронтовъ. Медлить было опасно, и потому фельдмаршалъ Гинденбургъ рѣшилъ отвлечь насъ своимъ ударомъ на Тарнопольскомъ направленіи.

Контръ-наступленіе, произведенное Гинденбургомъ на Тарнопольскомъ направленіи, привело, какъ уже извѣстно по боевымъ дѣйствіямъ, бывшимъ съ 5-го по 12-е іюля, къ прорыву нашего фронта въ южной Галиціи на протяженіи около 70 верстъ по фронту и до 40 верстъ въ глубину.

Такимъ образомъ наступленіе прорвавшихся австро-германскихъ частей арміи Бемъ-Ермоли на Тарнопольскомъ направленіи начало развиваться главнымъ образомъ потому, что противнику удалось въ теченіе 6-го и 7-го іюля занять фланговое положеніе въ отношеніи нашихъ позицій къ юго-западу отъ Тарнополя до лѣваго берега рѣки Днѣстра. Стремясь выиграть насколько возможно большее пространство, австро-германцы сильно атаковали наши части къ югу отъ линіи Тарнополь-Брзежаны, утвердившись на двухъ желѣзнодорожныхъ путяхъ, сходящихся у Тарнополя со стороны Злочева и Брзежанъ.

Самымъ городомъ Тарнополемъ, расположеннымъ на обоихъ берегахъ рѣки Серета, противнику къ этому времени овладѣть еще не удалось, такъ какъ обѣ стороны, занимая противоположные берега, были раздѣлены между собою этою преградою.

Благодаря тому, что на Серетѣ наступленіе австро-германцевъ задержалось, наши части по линіи Заложце—Тарнополь остаются неподвижными въ теченіе трехъ дней, въ то время, какъ къ югу наступленіе противника развивается со скоростью около 15—20 верстъ въ сутки. Послѣ 6-го іюля, когда австро-германскія войска достигли города Заложце, они перемѣнили направленіе своего движенія съ юго-восточнаго на южное и атакуютъ теперь не столько лобовыя части одиннадцатой арміи, сколько стремятся разрушить связь между этой послѣдней и сосѣдней съ ней седьмой арміей.

На этомъ пути событія развиваются довольно быстро. Въ теченіе четырехъ дней съ сѣвера на югъ по долинѣ рѣки Стрыпы, примѣрно, до мѣстечка Бенява и Семиковце, австро-германцами пройдено разстояніе около 50 верстъ, при чемъ фланги сдвинувшагося фронта противника и обращеннаго на югъ въ сторону Днѣстра упирались первоначально у Галича въ Нараювку близъ деревни Большовце и къ югу отъ Тарнополя въ рѣку Серетъ близъ мѣстечка Микулинце.

Благодаря этому фронтъ юго-западныхъ нашихъ армій получилъ рѣзкій изломъ между Галичемъ и Тарнополемъ, что̀ поставило въ весьма тяжелое положеніе оперировавшую на сѣверномъ берегу Днѣстра нашу седьмую армію. Правое крыло ея очутилось подъ серьезнымъ ударомъ съ сѣвера, что̀ вызвало необходимость отхода этой арміи на низовья рѣкъ Стрыпы и даже Серета.

Несмотря на то, что Корниловская армія отдѣлена была отъ раіона Тарнопольскаго прорыва значительнымъ разстояніемъ и рѣкой Днѣстромъ, все же ей пришлось отходить на востокъ, чтобы не подвергнуться отдѣльному пораженію.

Сравнивая первоначальный фронтъ наступавшихъ въ іюнѣ армій генерала Гутора съ нынѣшнимъ положеніемъ вещей на нашемъ юго-западномъ фронтѣ, мы видимъ, что сильному измѣненію подверглись позиціи лишь въ южной части Галиціи между станціей Броды и Карпатами, и нисколько не перемѣнилось положеніе въ сѣверной части Галиціи и на Волынскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ близко примыкающемъ къ раіону опаснаго Тарнопольскаго прорыва.

Въ цѣляхъ широкаго противодѣйствія развитію катастрофы на юго-западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій наше верховное главнокомандованіе предприняло серьезную наступательную программу на нашемъ сѣверномъ и западномъ фронтахъ, гдѣ происходившей въ теченіе нѣсколькихъ дней подготовкой артиллерійскимъ огнемъ привлекало вниманіе противника къ Сморгонскимъ, Кревскимъ и Двинскимъ позиціямъ. При тяжелой обстановкѣ и здѣсь приходилось оперировать нашимъ начальникамъ, такъ какъ войска не вездѣ склонны были одинаково относиться къ исполненію боевыхъ приказовъ. Случай отказа частей отъ боя на Сморгонскомъ направленіи представляется въ этомъ отношеніи особенно показательнымъ и требующимъ крайняго напряженія для того, чтобы предупредить и здѣсь катастрофическія послѣдствія внезапнаго раскрытія фронта.

Возвращаясь снова къ Галиційскому фронту, мы видимъ, что, подойдя вплотную къ Серету отъ верховья до Трембовли, на протяженіи около 45 верстъ къ сѣверу и къ югу отъ Тарнополя, австро-германцы стремятся перекинуться на лѣвый берегъ рѣки и выйти въ тылъ седьмой арміи, окончательно разобщивъ послѣднюю съ войсками генерала Эрдели.

Продѣлавъ уже болѣе трехъ переходовъ съ боями, противникъ не имѣетъ возможности сосредоточить на этомъ участкѣ рѣки такихъ резервовъ, которые позволили бы ему достигнуть новыхъ крупныхъ цѣлей въ указанномъ направленіи, и, если со стороны нашихъ частей была бы проявлена хотя небольшая попытка использовать тактическія условія названной переправы, то результатъ для насъ получился бы вполнѣ благопріятный.

Однако, благодаря неустойчивости нѣкоторыхъ частей, занимающихся на позиціяхъ не столько тактикой, сколько политикой, сильный Серетскій водный рубежъ все же оказался противникомъ уже перейденнымъ. Въ раіонѣ мѣстечка Микулинце, между Трембовлей и Тарнополемъ, противникъ прорвался на противоположный берегъ и занялъ деревню Волю-Мазовецкую. Эта переправа поставила снова въ тяжелое положеніе наши войска, такъ какъ она, въ сущности, прервала серьезную линію обороны, на которой могли бы съ такимъ успѣхомъ обосноваться отходящія изъ юго-восточной Галиціи наши арміи.

По имѣющимся признакамъ, генералъ Бемъ-Ермоли, продолжая получать новыя подкрѣпленія, бросаетъ ихъ на Тарнопольское направленіе, гдѣ сосредоточиваетъ довольно значительный кулакъ.

По всей вѣроятности, ближайшая борьба за Серетскія переправы приметъ ожесточенный характеръ, и въ ней наши войска должны будутъ дать окончательный отвѣтъ въ подлинномъ своемъ настроеніи. Отбить дальнѣйшія попытки противника форсировать рѣку Серетъ—это значитъ оказать большую услугу нашему юго-западному фронту въ вопросѣ сохраненія болѣе или менѣе сноснаго стратегическаго положенія. Въ противномъ случаѣ, большой прорывъ противника за Серетъ знаменуетъ собою окончательную ликвидацію не только Галиційскаго, но и Буковинскаго театровъ военныхъ дѣйствій.

Если нашимъ войскамъ снова придется отходить на востокъ и разсчитывать на менѣе солидную преграду въ видѣ пограничной съ Австріей рѣки Збручъ, расположенной параллельно Серету въ полутора переходахъ къ востоку отъ послѣдняго, то бывшая армія генерала Корнилова можетъ оказаться отрѣзанной. Хотя послѣдняя и прикрыта рѣкою Днѣстромъ, но въ силу направленія его теченія на юго-востокъ надежды на это пока еще невелики.

Въ общей сложности, на борьбѣ за Серетскія переправы сосредоточенъ теперь весь интересъ военныхъ операцій на фронтѣ нашихъ юго-западныхъ армій, изъ которыхъ одиннадцатая пока замедлила свое движеніе, а двѣ южныя еще продолжаютъ маневрировать и отходить на востокъ и юго-востокъ.

Такимъ образомъ, за недѣлю съ 5-го іюля, какъ видно на схемѣ, мы потеряли громадную площадь въ Галиціи на протяженіи около 130 верстъ по фронту и до 60 верстъ въ глубину.

Но прорывъ нашего расположенія, видимо, еще далеко не ликвидированъ. Онъ можетъ перекинуться и на территорію Бессарабіи, угрожая и прочимъ нашимъ южнымъ губерніямъ.

Положеніе для насъ создалось тяжелое, однако отчаиваться не слѣдуетъ. При извѣстномъ напряженіи народной воли, наша армія должна же будетъ наконецъ опомниться и понять, что за ея спиной стоитъ молодая русская свобода.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: П. А. Кропоткинъ.—Грозы и дѣти. Разсказы Ап. Васнецова. I. Супостатъ. — Стѣна. Стихотвореніе К. Бальмонта. — Двѣ смерти. Разсказъ П. Н. Краснова. — Гаспаръ. Повѣсть Ренэ Бенжамэна. (Окончаніе).—Дневникъ военныхъ дѣйствій. Г. Клерже.—Объявленія.—Библіографія.

РИСУНКИ: Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ. — Иллюстрація Ап. Васнецова къ его разсказу „Супостатъ".—Женщина-воинъ. П. Жилинъ.—Въ Галиціи (2 рис.).—Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ. — Долина у Черемоша. — Въ Карпатахъ. — У водопоя.—Наступленіе. Перебѣжка. Л. Сологубъ. — На молитвѣ передъ отправленіемъ на фронтъ.— На молитву! — Всероссійскій Съѣздъ увѣчныхъ воиновъ въ Петроградѣ.—Двѣ карты къ Дневнику военныхъ дѣйствій Г. Клерже.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка" книга 48.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,** Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Карты юго-западнаго фронта

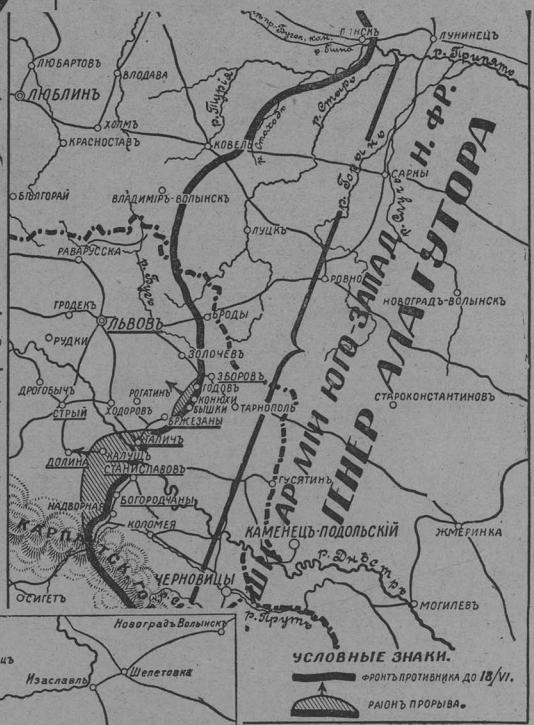
съ указаніемъ раіоновъ расположенія нашихъ армій съ 18-го іюня по 12-е іюля с. г.—съ момента наступленія до періода отступленія нашихъ войскъ, за время командованія юго-западнымъ фронтомъ генерала Гутора и генерала Корнилова, нынѣ назначеннаго верховнымъ главнокомандующимъ.

I.

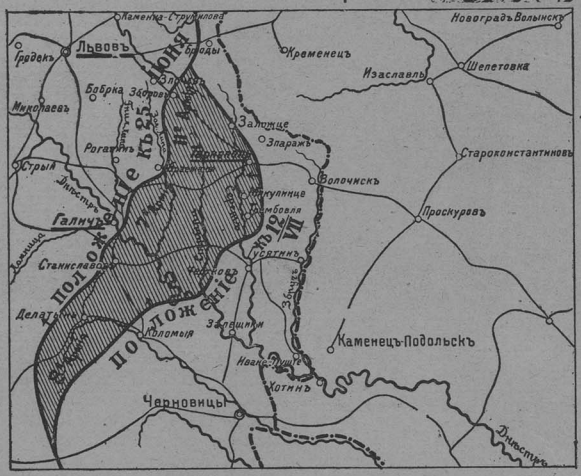
I. Раіонъ прорыва арміи генерала Л. Г. Корнилова.

Все, что заштриховано, завоевано было нашими доблестными войсками подъ командой генерала Корнилова, ринувшимися на врага по призыву верховнаго вождя революціонной арміи военнаго министра А. Ф. Керенскаго.

II.



III.



II. Галиція и пограничныя Волынская и Подольская губерніи (во дни нашихъ побѣдъ).

На картѣ подробно указана та часть Галиціи, которая была ареной нашихъ недавнихъ славныхъ побѣдъ. Заштрихована вдоль фронта территорія, занятая „войсками 18-го іюня".

III. Галиція и пограничныя Волынская и Подольская губерніи (во дни нашихъ пораженій).

На картѣ показаны результаты отступленій 7-й, 8-й и 11-й армій—заштрихована огромная территорія, почти безъ боя отданная врагу за время съ 25-го іюня по 12-е іюля с. г.

ками. Помимо мастерства разсказа, живости и занимательности его, цѣннымъ является духъ народный, которымъ они проникнуты. Каждая подробность, вниманіе къ той или другой детали, особенно частое варьированіе какого-либо мотива — все это уже штрихи въ сторону психологіи самого народа, его настроенія и думъ.

Коллективное творчество въ сказкѣ объ „Еруланѣ Лазаревичѣ“ смѣняется субъективнымъ въ повѣсти XVIII в. о „Фролѣ Скобѣевѣ“, но и здѣсь чувствуется все та же близость къ корнямъ народнымъ, къ живымъ источникамъ его духа.

Задуманный Г. И. Дунаевымъ рядъ изданій подобнаго рода, представляющихъ точное воспроизведеніе подлинныхъ памятниковъ древней литературы по рукописямъ и старопечатнымъ текстамъ, сопровождаемыхъ иллюстраціями того времени, — является цѣннымъ не только для изученія древней литературы, но и для знакомства съ древне-русскимъ художественнымъ искусствомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Особенно цѣнное значеніе будутъ имѣть изданія Г. И. Дунаева для курса древней литературы въ школѣ. Ихъ съ успѣхомъ можно рекомендовать въ гимназіяхъ взамѣнъ тяжеловѣсныхъ, неудобныхъ, отрывочныхъ хрестоматій.

С. Т. Семеновъ. „Въ міру“. Разсказы. Цѣна 1 руб. 50 коп. Петроградъ. 1917.

Простые незатѣйливые разсказы изъ народной жизни С. Семенова симпатичны именно отсутствіемъ предвзятой идеи. Деревня, ея маленькія радости и горести, вокругъ которыхъ вращается весь міръ крестьянина,—все это въ книгѣ С. Семенова получаетъ свою прелесть, потому что передано съ любовью, съ душевной теплотой.

Живо нарисована въ разсказѣ „Въ міру“ фигура самозваннаго учителя въ глухой деревушкѣ Ѳирсая съ его народной сметкой; кутящаго Звѣздова въ разсказѣ „Звѣздовъ“, Степана въ—„Степановы яблоки“.

Явно надуманъ и наименѣе удаченъ разсказъ „Не въ разъ“, сюжетъ котораго взятъ изъ жизни духовенства. Это случайный рядъ курьезовъ. Лицо епископа, ревизующаго свою паству, безжизненно, характеры остальныхъ героевъ не выдержаны. Вообще у С. Семенова удачны тѣ типы и положенія, которые непосредственно взяты наблюдателемъ изъ народной жизни, но какъ только приходится создавать характеръ, онъ выходитъ у писателя блѣднымъ и натянутымъ. Исторіи характера героя и его логическаго обоснованія у С. Семенова нѣтъ; онъ сразу беретъ готовое, и потому малѣйшее уклоненіе отъ правды жизни портитъ разсказъ, лишая его наиболѣе цѣннаго въ писаніяхъ С. Семенова—искренности.

Сергѣй Городецкій. „Дальнія молніи“. Разсказы. Цѣна 2 рубля.

Разсказы С. М. Городецкаго всѣ посвящены войнѣ и связаннымъ съ нею различнымъ переживаніямъ. Сердце матери, невѣсты, жены, мужа, брата и друга дало откликъ на войну въ книгѣ С. Городецкаго. Исключеніе представляетъ лишь разсказъ „Четыре пищи“, въ которомъ выведена типическая фигура купца старозавѣтной складки. Изъ военныхъ разсказовъ особенно хорошъ „Панъ Іезусъ“, гдѣ религіозное чувство съ его солнечной теплотой смягчаетъ ужасъ дѣйствительности: даже въ поруганномъ нѣмцами костелѣ съ пригвожденной къ кресту обезчещенной и обезумѣвшей дѣвушкой нашла старая Казиміра прорывъ религіозному экстазу. Очень недурны разсказы: „Слѣпой“—полный живого ужаса военной дѣйствительности, „Скоропостижный“, „Хромой Матвѣй“, „Новая любовь“. Въ общемъ С. Городецкій внесъ въ свои разсказы много теплоты и правды.

Богомоловъ, Б. Обрѣтенный Китежъ. Пгр. 1917.
Брусянинъ, В. Убійство Павла I. Ч. 3-я Пгр. 1917. Ц. 2 р. 50
Випперъ, Р., проф. Учебникъ новой исторіи. Изд. 5-е. М. 1917. Ц. 3 р.
Габо, В. С. Велосипедныя экскурсіи въ окрестности г. Харькова. Харьковъ. 1916.
Гервагенъ, Л. Л. Институтъ собственности, какъ основаніе системы гражданскихъ правъ о юридическомъ лицѣ. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 50 к.
Жиловъ, I., свящ. Православный катихизисъ въ звукахъ поэзіи. 2-я часть. Юрьевъ. 1917. Ц. 3 р.
Зубовскій, Ю. Гримасы революціи. Пгр. 1917. Ц. 35 к.
Колтоновскій, П. И. Добываніе изъ растеній лекарственныхъ веществъ Могилевъ. 1917.
Макаренко, Ю. Въ гостяхъ у чеховъ. М. 1915. Ц. 20 к.
Малковъ Н. Н. и Пономаревъ. П. Ф. О будущемъ государственномъ строѣ въ Россіи. Курганъ. 1917. Ц. 30 к.
Марксъ, К. и Энгельсъ. Ф. Манифестъ коммунистической партіи. Пгр. 1917. Ц. 1 р.
Павловъ, В. Въ былые дни. Сборникъ. Пгр. 1916.
Pevich, W. Основы международнаго языка „Glot“. Пгр. 1917.
Пинкевичъ, А. П. Методика начальнаго курса естествовѣдѣнія. Изд. 3-е. Пгр. 1917. Ц. 3 р. 50 к.
Пономаревъ, П. Ф. Объ Учредительномъ Собраніи и о выборахъ въ него. Курганъ. 1917. Ц. 10 к.
Поповъ, Вл. А. Бой-скауты. Сборникъ. М. 1917. Ц. 50 к.
Рюминъ В. В. Чудеса современной электротехники. 2-е изд. Николаевъ, Херс. г. 1917. Ц. 3 р.
Святогоръ, А. Пѣтухъ революціи. 2-е изд. М. 1917. Ц. 40 к.
Смоленская старина. Ч. II., вып. 3-й. Смоленскъ. 1916.
Снегиревъ, Владиміръ Ѳедоровичъ. М. 1917.
Трояновскій, И. И. Курсъ естественной исторіи. М. 1917. Ц. 2 р.
Уразовъ, И. Цвѣтныя стекла. Пгр. 1917. Ц. 65 к.
Хаустовичъ, Н. Лирика. Рига. 1917. Ц. 30 к.
Черный, Б. Пятая тетрадь разсказовъ. М. 1917. Ц. 75 к.
Чудо въ пустынѣ. Сборникъ. Одесса. 1916. Ц. 2 р.

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ И РЕБУСЫ

подъ редакціей Н. В. Панкова.

Правильныя рѣшенія задачъ по 10-е апрѣля с. г. доставили: **№№ 1, 2 (а), 3, 4, 5, 6, 7 и 8**— Ѳ. А. Губаржевскій, К. Г. Якобсонъ и В. Р. Яхимовичъ; **№№ 2 (а и б), 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9**—М. Х. Юрьевъ; **№№ 2 (а и б), 3, 4, 5, 6, 7 и 8**—В. Г. Бабина и П. М. Шараповъ; **№№ 2 (а), 3, 4, 5, 6, 7 и 8**—А. А. Апрѣлевъ, Ф. И. Земанъ и В. Ивановъ; **№№ 2 (а), 3, 4, 5, 6, 8 и 9** — А. И. Смирновъ; **№№ 2 (а), 3, 4, 5, 6 и 7**— Б. Акерманъ, П. И. Захарьинъ, А. А. Мазингъ и Н. В. Стояновъ; **№№ 2 (а), 4, 5, 6, 7 и 8**—Е. И. Машановъ; **№№ 2 (а), 3, 4, 5 и 7** — С. Фирковичъ; **№№ 2 (а и б), 3, 5, 6 и 7**—Б. Шершевскій; **№№ 2 (а) 3, 5, 6 и 7**—С. Гуровичъ, И. Коппъ, А. М. Тутковскій и Г. I. Фрейманъ; **№№ 2 (а), 5, 6, 7 и 8** — И. П. Бишенковъ и В. В. Павковичъ; **№№ 3, 4, 5, 6 и 7**— Р. Андреевъ, А. Г. Антимоновъ, Л. И. Жукова и С. К. Поповъ; **№№ 3, 4, 5, 7 и 9**—К. А. Угрюмовъ; **№№ 1, 2 (а), 4 и 5**—Б. В. Коростелевъ; **№№ 1, 3, 4 и 5**— Л. В. Кривобокова; **№№ 2 (а и б), 3, 4 и 5** — Е. Л. Нотесъ; **№№ 2 (а), 3, 4 и 5** — А. А. Баскаковъ, Б. Ѳ. Добрынинъ, Н. А. Залѣсскій, В. П. Петропавловскій, А. А. Поповъ, Е. Н. Фридрихъ, Л. И. Чембаровъ, Н. Шулѣповъ и А. В. Ѳаворскій; **№№ 2 (а и б), 5, 7 и 8**—П. А. Болмосовъ; **№№ 2 (а), 5, 7 и 8**—Е. П. Всеволожская и С. П. Добровольскій; **№№ 3, 4, 5 и 6** — Н. М. Хайкинъ; **№№ 4, 6, 7 и 8**—А. Г. Конюковъ; **№№ 6, 7, 8 и 9**—А. А. Вейгертъ, Е. С. Зотовъ, Н. Н. Зыкѣевъ, В. В. Кутузовъ, А. Г. Левитская, А. Ф. Мерингъ, С. А Модестовъ, В. С. Мордвиновъ, А. В. Невскій, М. Прѣстинъ, Б. Н. Роде, К. К. Теуфель, Ф. З. Фокинъ и Л. Н. Церковницкій; **№№ 6, 7, 11 и 12**—Г. П. Лыковъ; **№№ 1, 2 (а), и 5**— Н. И. Строковъ; **№№ 1, 3 и 4**—П. И. Кальсбергъ; **№№ 1, 6 и 7**—К. К. Моренъ; **№№ 2 (а и б), 3 и 4**—П. Е. Балихинъ; **№№ 2, (а), 3 и 5** — А. И. Миреръ и А. Т. Щегловъ; **№№ 2 (а), 4 и 5**—М. О. Семеняко; **№№ 2 (а), 5 и 7**— Е. Г. Цупловская; **№№ 2 (а и б), 5 и 8**—О. Н. Карягина; **№№ 2 (а), 5 и 8**—Н. С. Посудевская; **№№ 2 (а и б), 6 и 7** — Э. Я. Фельде; **№№ 3, 4 и 5**—Е. К. Дитрихъ, А. А. Мецатуновъ и З. А. Никитскій; **№№ 3, 6 и 7**—Я. Гальперинъ и Х. Б. Фрайманъ; **№№ 5, 6 и 8**— И. Э. Бюстремъ и Д. Френкинъ; **№№, 6, 7 и 8**—Р. И. Адливанкина, К. Ф. Бѣлоглазовъ, Волочковъ. Е. I. Гаусманъ, Головнинъ, Л. Горѣловъ, И. А. Дегтяревъ, Н. А. Добровольскій, М. Е. Жемчужина, Ф. А. Калакинъ, А. Г. Карпенко, В. Г. Ковалевичъ, П. А. Копановъ, А. П. Крыловъ, М. В. Лапина, С. К. Лешкевичъ, И. М. Матвѣевъ, К. И. Меркульевъ, А. В. Прокоповичъ, Ф. З. Пѣтуховъ, Родовичъ, М. И. Словиковскій, С. Д. Смирновъ, А. Д. Черницкая, Ф. Э. Шелинъ, Г. Шильманъ и Н. И. Ширягинъ, **№№ 6, 7 и 9**—С. Н. Жудро, К. Ф. Клаусъ и А. А. Марковъ; **№№ 6, 7 и 10**—Н. Н. Зиновьевъ; **№№ 6, 8 и 9**—И. Егеверъ. А. Т. Кузьминъ и С. Л. Соколовъ; **№№ 6, 9 и 11**—В. Г. Серебряковъ; **№№ 9, 10 (2) и 11**—А. Рабиновичъ; **№№ 10 (4), 11 и 12** А. А. Вейгертъ; **№№ 2 (а) и 3**—В. С. Емелинъ; **№№ 2 (а) и 5** — А. Адріановъ, Аплегеевъ, А. Г. Бартошъ, В. И. Георгіевскій, Е. Н. Годыцкая-Цвирко, Г. А. Зотовъ, С. А. Масловъ, А. Покрывалова, Б. П. Русейкинъ, Н. Сивоконь и А. П. Шепелевъ; **№№ (2 а и б) и 6**— В. Г. Старинскій; **№№ 3 и 5**— Д. А. Введенскій и А. К. Островскій; **№№ 3 и 6** — Е. Н. Каллистова; **№№ 3 и 7**—Н. А. Елисѣевъ, П. А. Липштатъ и Ю. И. Фридляндъ; **№№ 4 и 7**—Н. В. Бѣлоноговъ: **№№ 5 и 6**—П. В. Драбкинъ и Н. И. Носова; **№№ 5 и 7**—С. С. Кричевскій, И. Рапопортъ и А. Раушенбахъ; **№№ 5 и 8**—Б. Н. Биркинъ и Л. I. Волынскій; **№№ 6 и 7**—Н. А. Баскаковъ, Е. Н. Бѣлинская, З. Гуревичъ, И. Ѳ. Ельницкій, А. Г. Ермолаева, А. М. Каздобинъ, П. Г. Каминъ, В. Ф. Кербицкій, А. Х. Киселевъ, П. Г. Куликовскій, Ѳ. И. Кушнировъ, Т. М. Лиловъ, Лодочниковъ, К. И. Мопастырецкій, Назаровъ, I. Ѳ Огородниковъ, Л. П. Очеретная, М. Певзнеръ, Н. Н. Поповъ, И. Е. Роутенштейнъ. З. П. Селова, З. Б. Слуцкій, М. Сольницкій. Н. И. Сомовъ, К. И. Степановъ, Н. А. Студитскій, И. А. Суринъ, И. Д. Фалько, Л. Г. Ханинъ и А. В. Яроцкій; **№№ 6 и 8**—Н. Витренко, Н. Н. Гребенникова, Л. Н. Новолѣтова, А. И. Пальминъ и С. Г. Смирновъ; **№№ 7 и 8**—Г. А. Вислоухъ, И. В. Егоровъ, А. И. Метлинъ, А. и Т. Никифоровы, М. Г. Четыркина и И. А. Шашеловъ; **№№ 2 (а и б)**—П. Р. Пырковъ; **№ 3**—Е. С. Бушковъ, М. Е. Исаакянцъ и С. Лейтесъ; **№ 4**—Е. Ф. Кирѣенко и Н. С. Шепелевъ; **№ 5**—Е. З. Бондарева, А. А. Добровольская, П. С. Жужневъ, А. С. Карельскій, В. Мальцевъ, Н. Э. Норманъ, Г. Слезниковъ и В. Факторовичъ; **№ 6**—Е. М. Антсонъ, Б. Я. Варшаверъ, И. Г. Воскобойниковъ А. Губыринъ, I. Г. Земляковъ, Х. Я. Машбицъ, П. Ѳ. Поповъ и Рахмановъ; **№ 7**—Н. Абубакировъ, Х. А. Агрестъ, Я. В. Артюховъ, Б. И. Беринскій, А. Бѣлецкій, А. С. Винецкій, Ф. Л. Геллеръ, А. А. Голубевъ, В. Грунауэръ, В. Н. Журавлевъ, В. С. Захаровъ, Іонкина, Н. Г. Казаковъ, Н. И. Каляевъ, А. Н. Квятковская, Е. Ключаревъ, Е. Лапшинъ, Е.И. Лобановъ, А. Я. Лунева, Н. С. Любановъ, М. И. Маркевичъ, Г. А. Мартыновъ, А. Мордоховичъ, И. В. Мысливецъ, А. П. Мясниковъ, Я. И. Нимельштейнъ, Ѳ. Ф. Панасюкъ, В. Н. Петрова, В. Д. Пирятинъ, О. Э. Рустицкая, А. П. Степановъ, А. Флинкъ, И. Фридманъ, Н. Г. Хитровъ, К. П. Чубуковъ и В. Шишовъ; **№ 8** — А. М. Грудзинская, С. Коробкинъ, С. Н. Холявинскій и братья Шейнины; **№ 9**—В. М. Кононова и И. И. Лобковскій; **№ 11**—А. И. Лупановъ, А. В. Радецкій-Микуличъ и А Н. Сергѣевъ (3 очка).

Правильныя рѣшенія задачъ по 31-е мая с. г. доставили: **№№ 1, 2 (а и б), 3, 5, 6, 7 и 11** — В. В. Гершковичъ; **№№ 4, 5, 6, 7, 10 (2) и 11** — И. Г. Воскобойниковъ; **№№ 2(а), 5, 6, 7 и 8**—Н. С. Шепелевъ; **№№ 2(а), 3, 6 и 7** — И. В. Козыревъ; **№№ 6, 7, 8 и 9**—А. А. Поповъ; **№№ 10(4), 11, 13 и 15**—А. А. Марковъ; **№№ 1, 2(а и б) и 3** — Г. Н. Пинаевъ; **№№ 1, 3 и 5** — М. Г. Теплова; **№№ 6, 7 и 8** — Н. В. Блиновъ. В. Я. Васильевъ и Н. Шулѣповъ; **№№ 6, 7 и 9**—П. И. Кальсбергъ; **№№ 6, 8 и 9** — Д. А. Петровъ. Ю. Д. Тринитатова, Н. Е. Фридрихъ и А. В. Ѳаворскій; **№№ 9, 10(5) и 11**—М. В. Лапина и М. И. Словиковскій; **№№ 9, 13 и 15** — Э. Томасевичъ (за № 13—3 очка); **№№ 10(4), 11 и 12** — А. А. Вейгертъ и В. П. Поповъ; **№№ 10(5), 11 и 12** — Л. Н. Церковницкій; **№№ 10(2), 11 и 15** — С. А. Модестовъ. (за № 15—3 очка); **№№ 3 и 13**—И. Ѳ. Ельницкій; **№№ 4 и 11**—М. И. Поповъ; **№№ 4 и 15**—А. В. Радецкій - Микуличъ; **№№ 6 и 7** — М. Гусачъ и М. Е. Исаакянцъ; **№№ 6 и 8**— С. И. Овчинниковъ, Ѳ. Покровскій и Г. Слезниковъ; **№№ 6 и 9** В. В. Соколовъ; **№№ 7 и 9** — А. К. Майстликъ; **№№ 9 и 11**— А. Г. Антимоновъ, Ф. И. Кушнировъ, О. А. Лебедева, М. И Маркевичъ и А. В. Прокоповичъ; **№№ 10(2) и 11**—Н. М. Хайкинъ; **№№ 10 (3) 11**—Н. С. Ивановъ и Я. Г. Тихоновъ; **№№ 10(4) и 11**— В. М. Кононова и И. И. Лобковскій; **№№ 10(в) и 10**—К. И. Меркульевъ; **№№ 10 (3) и 12**— А. Н. Сергѣевъ; **№ 2 (а)**—В. И. Куликовъ: **№ 5**—Г. Д. Нога и А. Толчинскій; **№ 6**—Л. Гершоновичъ, П. Г. Куликовскій и С. Фирковичъ; **№ 7**—А. Д. Гинзбургъ и Е. М. Ивановичъ; **№ 8** Г. А. Зотовъ и Б. М. Соколовъ; **№ 9**— П. А. Болмосовъ, И. Горбенко, И. А. Дегтеревъ, А. Г. Карпенко, В. Ф. Кербицкій, В. С. Краюхинъ, И. И. Крутелевъ, Ф. П. Крючковъ, Н. С. Любановъ; А. И. Метлинъ, Н. Г. Симоновъ и Л. Н. Штейнъ; **№ 10(1)**—Е. I. Гаусманъ, Н. В. Зиновьевъ и В. А. Радугинъ; **№ 10(2)** — Л. Горѣловъ, П. В. Драбкинъ, М. Е. Жемчужина и К. К. Теуфель **№ 10(3)**— Е. Н. Годыцкая Цвирко; **№ 10(4)**— М. Т. Шафранъ; **№ 11** — Волочковъ, Л. И. Жукова, Л. П. Очеретная и А. В. Яроцкій; **№ 12**— А. Кузьминъ; **№ 14** — I. С. Рудницкій (3 очка); **№ 15** — Я. К. Ажоткинъ.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.